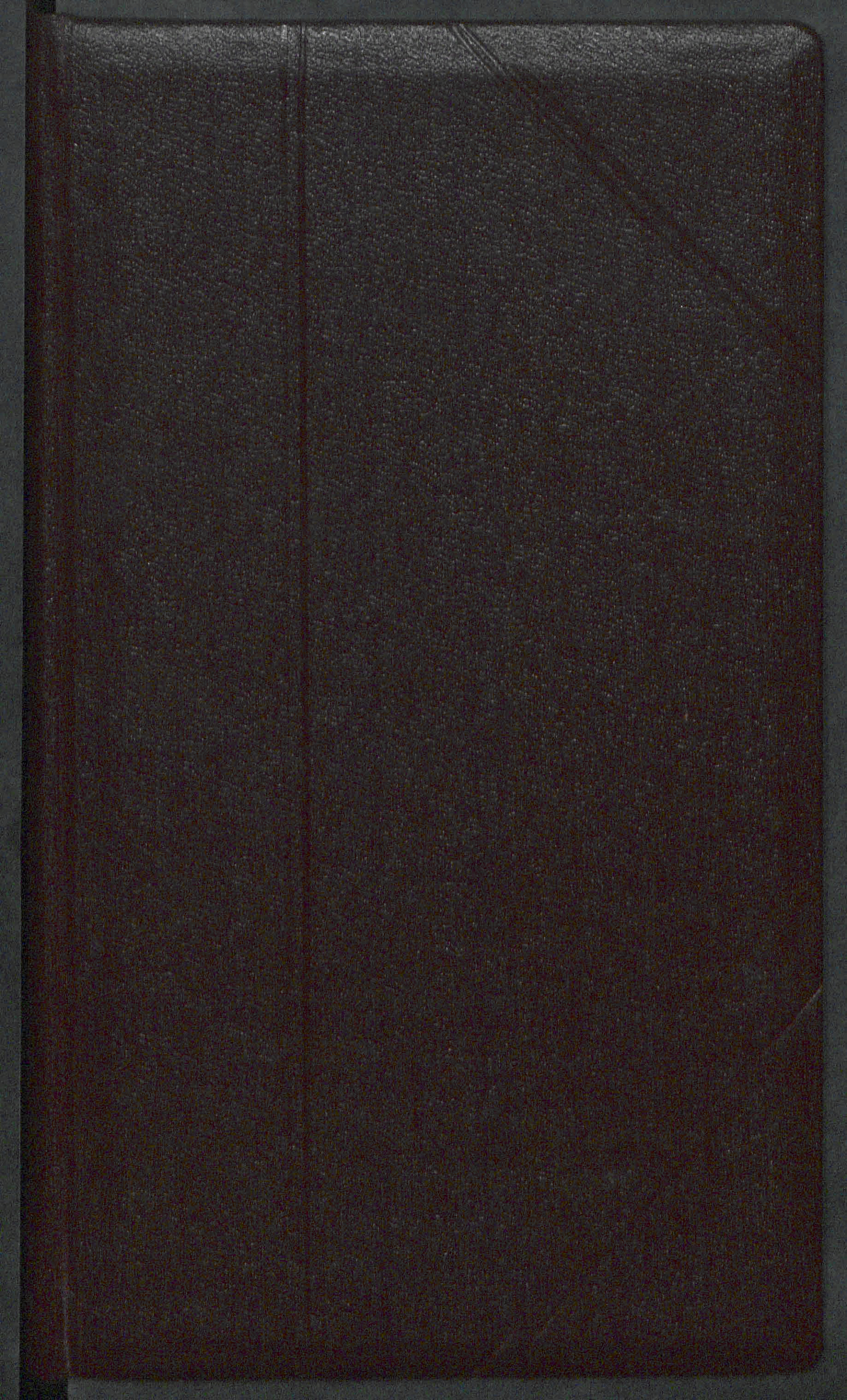
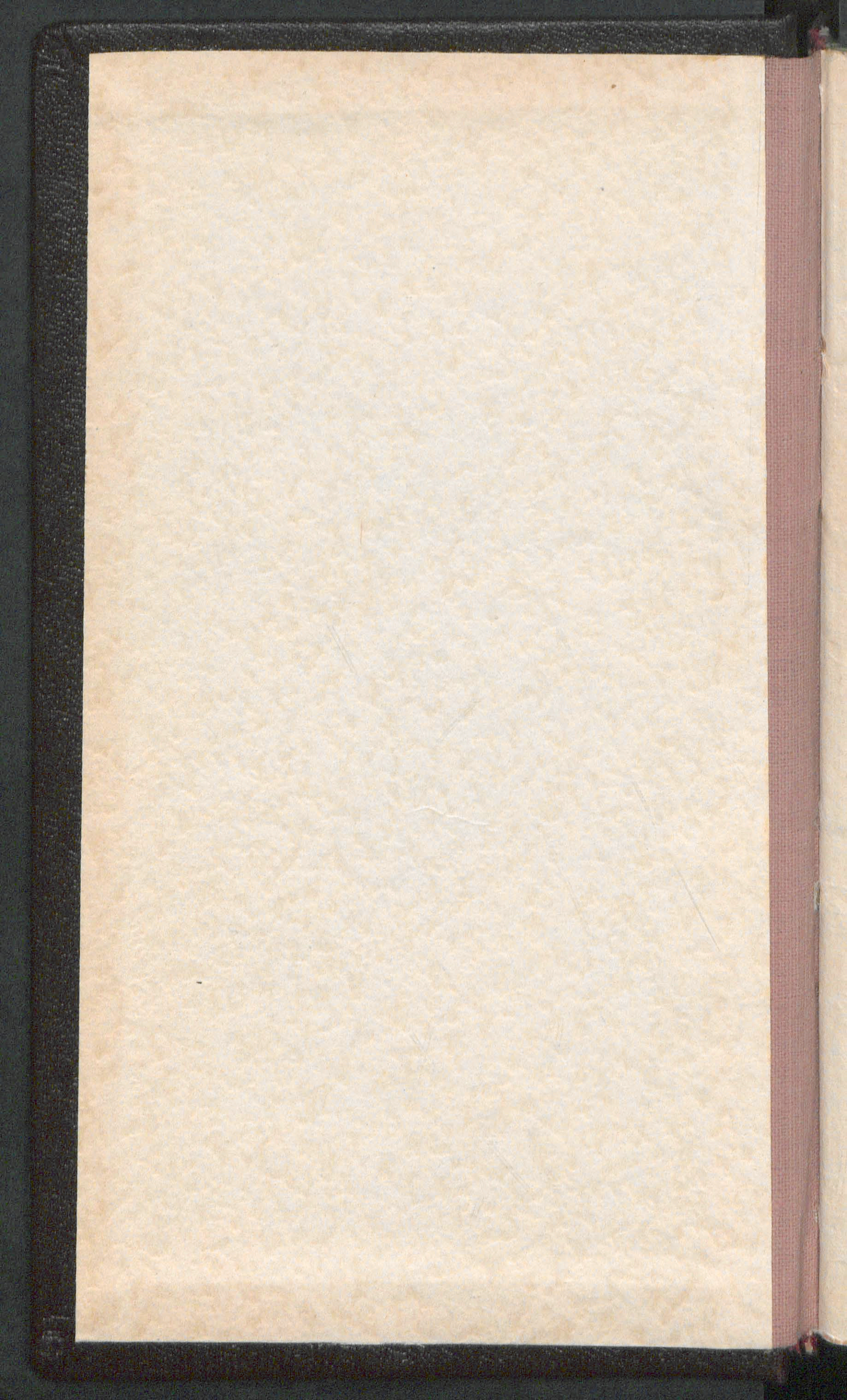
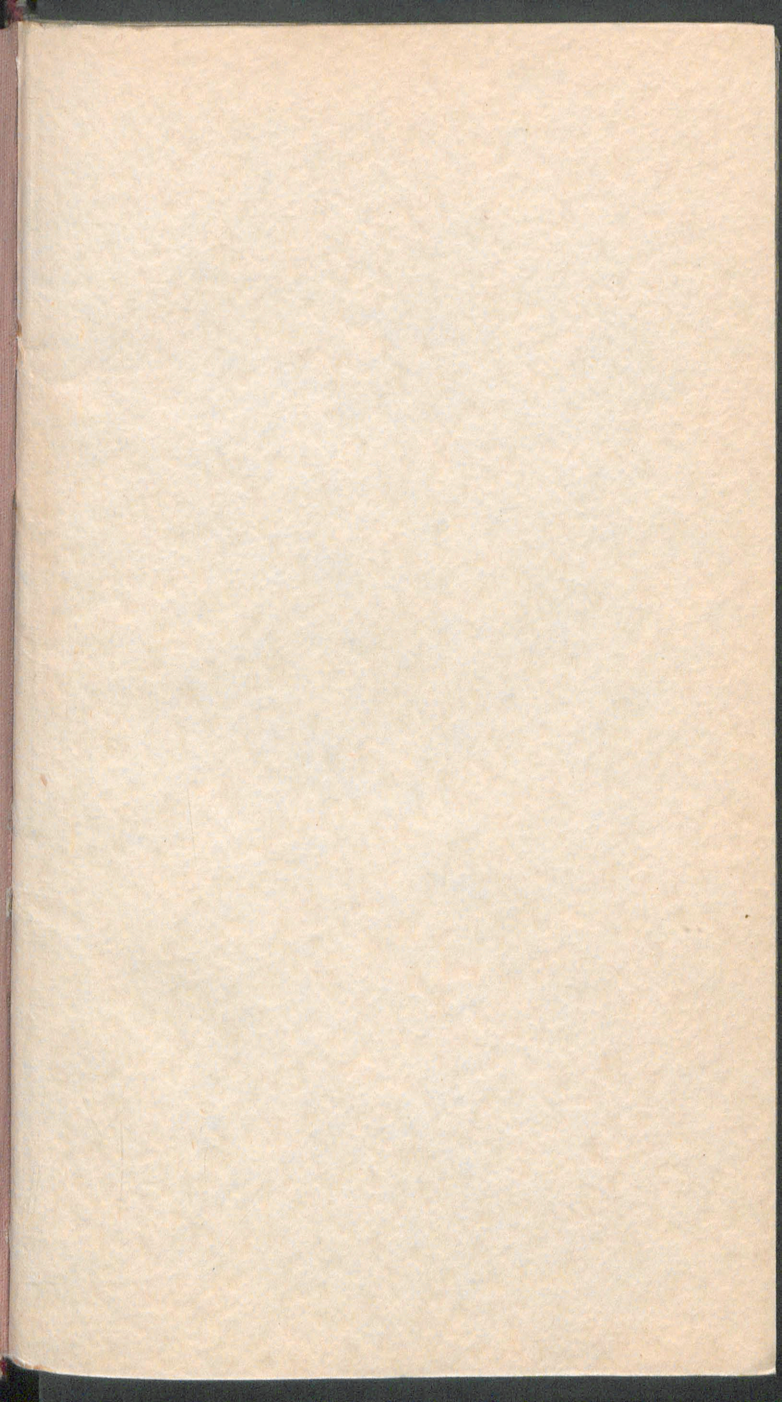
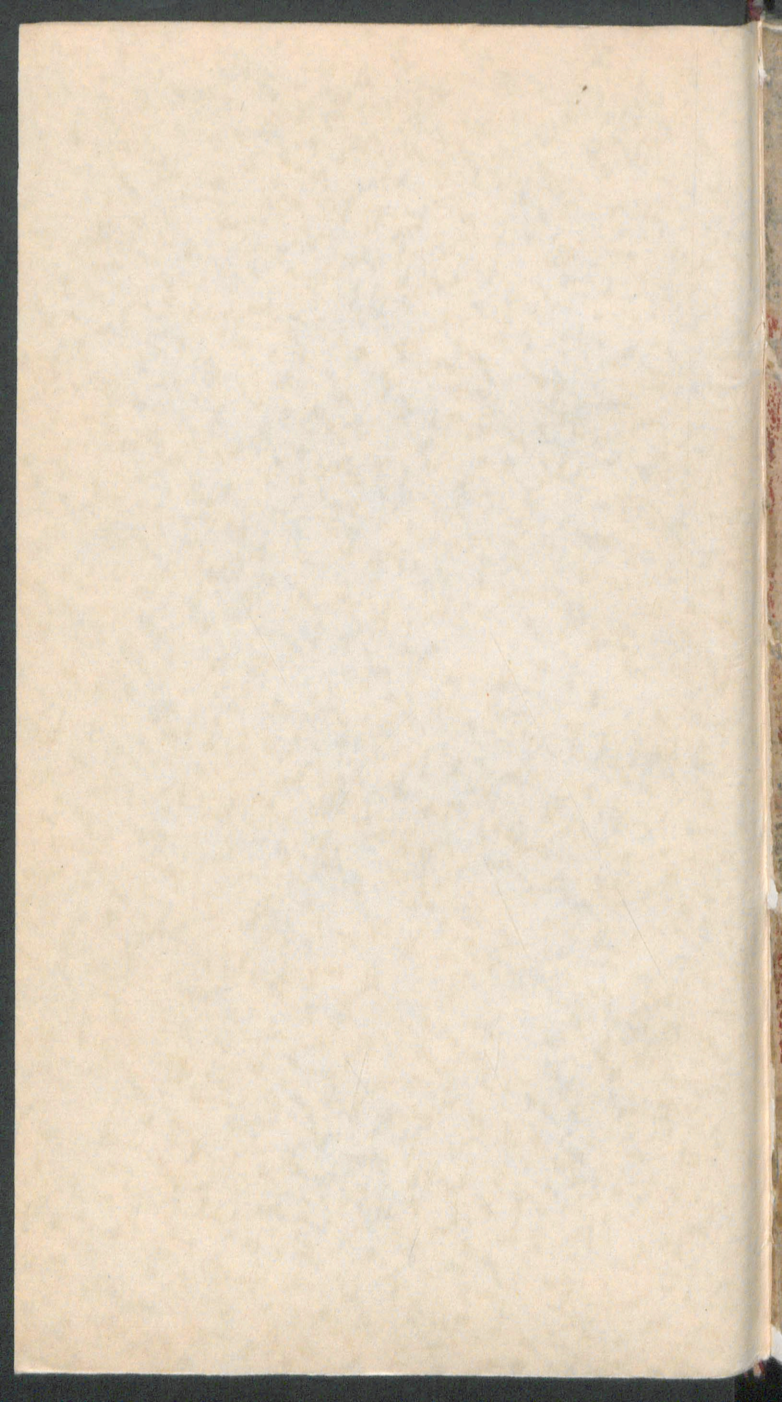

Дюбуа де Шатенэ,
Жак

1-й экз.

АРСЕНЪ,

или

СУЕТА СВѢТА,

состоящая

въ

Пяти Частяхъ,

Переведена

съ Французскаго языка,

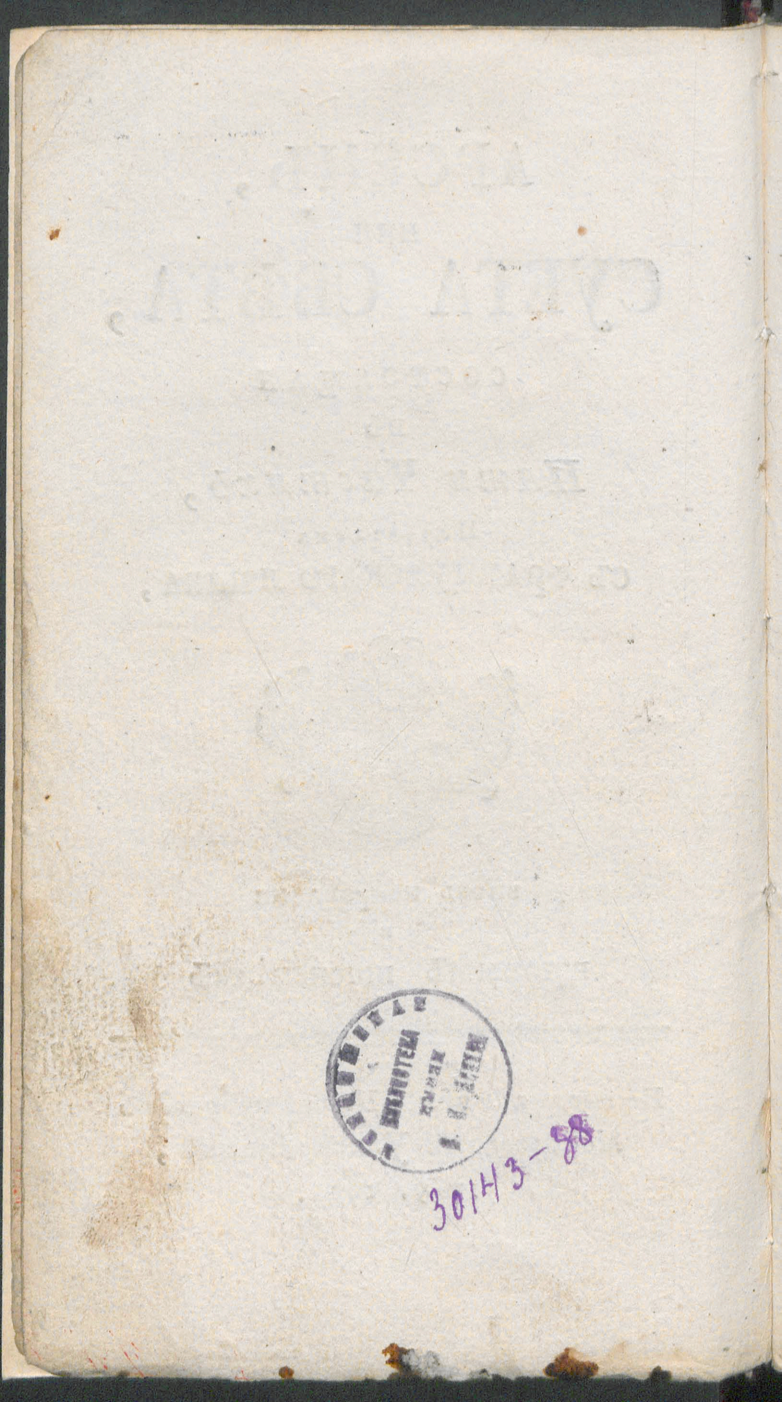

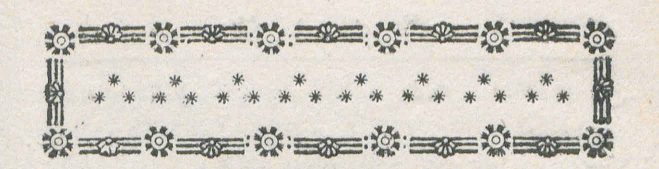
вновь исправлена

и

вторымъ тисненіемъ

Печатана при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ,
1769. года.

Арсенъ,

или

Суета свѣта.

Часть Перпая.

* * *

Арсенъ, Министръ и главной Казначей Мадерскаго Принца, огорченъ будучи при дворѣ перемѣною своего щастїя, и претерпя многїя гоненїя, побужденъ благочестїемъ и Христїанскою добродѣтелїю, удалился въ пустыню, для препровожденїя тамъ остатка своей жизни. О толь скоромъ и не-

чаянномъ его отъ двора удаленіи никто не могъ предузнать, и тѣмъ болѣе каждой тому удивлялся, что онъ былъ въ отмѣнной милости у своего Государя, и имѣлъ въ довѣренности онаго преимущество надъ Пертинаксомъ, своимъ соперникомъ. Другъ его Эрофилъ, возвратясь изъ Франціи, гдѣ онъ жилъ долгое время, съ чувствительною радостію хотѣлъ его видѣть. Но какъ по прибытіи своемъ услышалъ о его отдаленіи, вознамѣрился посѣтить его въ уединеніи, и употребить всевозможное стараніе о возвращеніи его ко двору. Онъ нашедъ его посреди великаго лѣсу близъ одного фонтана, углубившагося въ пріятной задумчивости, говорилъ ему, подбѣжавъ съ распростертыми руками: *я пріѣхалъ сюда за тѣмъ только, чтобъ взять васъ опять ко двору.*

Ахъ! дражайшій Эрофилъ, отвѣчалъ Арсенъ съ такоюжъ учтивостію:

стію: не предпринимайте столь труднаго дѣла. Естьли бы и вы, продолжалъ онъ, вкусили сладость моего уединенія, то, можетъ быть, и вы захотѣли бы препроводить въ ономъ всю свою жизнь. Чтобы я для деревъ, отвѣчалъ Эрофиль, для горъ и каменьевъ, и для ужасной пустыни, оставилъ пріятную придворную жизнь, не имѣлъ бы больше обхожденія съ женщинами и лишился бы имѣнія, чести и пріятелей? Возможно ль сему статься!

А я и того еще меньше думаю, отвѣчалъ Арсенъ, возвратиться опять ко двору, гдѣ всѣ живутъ въ суетѣ, въ высокомѣріи, въ роскоши, и пекутся о собственной своей корысти. Радость и удовольствіе, которыя въ невинной здѣшней жизни, въ сердцѣ моемъ чувствовать начинаю, почитаю я за лучшее и основательнѣйшее благополучіе, нежели нынѣшнія пагубныя веселія свѣта, которыми вы ослѣплены.

 Трудно

Трудно будетъ вамъ меня въ томъ увѣрить, прервалъ рѣчь его Эрофиль; я весьма сумнѣваюсь, чтобъ и вы имѣя всегда завистное обхожденіе съ женщинами, могли здѣсь найти столь чувствительныя веселія. Какія оныя, спросилъ Арсенъ, великія забавы и веселости въ обхожденіи съ женскимъ поломъ? развѣ вы ни во что вмѣняете, отвѣчалъ Эрофиль, красоту ихъ, веселой нравъ и разумъ? Есть ли что пріятнѣе, какъ побѣждать ихъ гордость, плѣнять ихъ сердца̀, и обладать совсѣмъ ими?

Не о сихъ веселіяхъ думаете вы, отвѣчалъ Арсенъ; красота ихъ подвержена болѣзни и печали; разумъ ихъ наполненъ одними бездѣлицами; онѣ говорятъ только о своихъ нарядахъ, о домашнихъ украшеніяхъ, о драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и въ тѣ мѣста̀ только ѣздятъ, гдѣ бы только поговорить на щетъ лучшихъ своихъ пріятельницъ. Сіе происходитъ отъ ихъ

легко-

легкомыслїя и непостоянства. Онѣ только самихъ себя любятъ; все, что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ только изъ одной корысти, тщеславїя и своего увеселенїя. А естьли они нечаянно полюбятъ васъ безъ всѣхъ сихъ намѣренїй, отъ добраго сердца, то не думайте тѣмъ быть благополучны. Онѣ ежеминутно печалить будутъ васъ нѣжными своими чувствованїями, ревнивыми подозрѣнїями, неосновательными разсужденїями, и безпрестанными выговорами. Кленитесь вѣрностїю и вѣчною любовїю, сколько хотите; но омерзѣнїе, досада, ревность и новое обязательство, на вѣки васъ разлучатъ; а славнѣйшее окончанїе, каковаго вы надѣяться можете, то, что сїя самая женщина жестоко почувствуя вашу перемѣну, и ни во что вмѣня всѣ прочїя достоинства, удалится отъ свѣта, и пойдетъ въ монастырь, оплакивать свои согрѣшенїя, которыхъ виною конечно васъ почитать будетъ.

Вы вступаете въ глубокія разсужденія, отвѣчалъ Эрофиль; по вашему мнѣнію, совсѣмъ бы надлежало изгнать любовь, однакожъ она производитъ въ обществѣ наипріятнѣйшія упражненія. Вамъ нельзя будетъ такъ презрительно говорить о богатствѣ, которое столь много удовольствія производитъ и споспѣшествуетъ веселіямъ.

Я оныхъ веселій и преимуществъ не вижу, говорилъ Арсенъ.

Видѣть сундуки свои наполненные золотомъ и серебромъ, отвѣчалъ Эрофиль, имѣть богатыя одежды, драгоцѣнные домашніе уборы, блистающей экипажъ, изобильной столъ, видѣть около себя множество служащихъ, не имѣть жестокосердыхъ женщинъ, владѣть хорошими полями, наконецъ быть въ состояніи удоволствоватъ всѣ свои страсти и чувства: не

чрез-

чрезвычайныя ли сіи преимущества?

Они не таковы, отвѣчалъ Арсенъ, какъ вы себѣ ихъ воображаете; они увеселяютъ и прельщаютъ только съ начала, а послѣ скоро проходятъ, оставляя по себѣ подлинно несносныя печали; по тому, что сердце наше, созданное для лучшаго и превосходнѣйшаго конца, не можетъ быть довольнымъ такими безумными забавами, которое узнавши недостатки, приходитъ въ уныніе, и тѣмъ болѣе бываетъ безпокойнымъ, чѣмъ пристрастнѣе къ тѣмъ забавамъ прилѣплялось. Сердце скупаго человѣка веселилось только одну минуту своимъ сокровищемъ; посмотрите жъ, сколько онъ страждетъ; умираетъ съ голоду, и терпитъ во всемъ недостатокъ; а чтобъ не украли его сокровища, не спитъ онъ ни дня ни ночи; для умноженія же еще онаго, трудится неусыпно, и не даетъ себѣ покою; отъ малѣй-

 шаго

шаго же ущерба приходитъ въ отчаянїе. По справедливости можно сказать, что сїе веселїе не дешево достается. Сколько разъ драгоцѣнное ваше платье, богатые уборы, хорошей экипажъ возбуждали въ насъ гнѣвъ на вашихъ домашнихъ, когда они нерадѣнїемъ своимъ въ глазахъ вашихъ портили? Но тщеславїе ваше раждало въ васъ неусыпность, для смѣшнаго и упрямаго обыкновенїя, исправлять все оное; попеченїе и безпокойство ваше состояло въ томъ, какъ бы промыслить денегъ на росходы къ исполненїю вашихъ прихотей; и желанїе ваше тѣмъ ненасытнѣе становилось, когда видѣли вы, что у другихъ все было лучше и великолѣпнѣе. На открытомъ своемъ столѣ, каковъ бы онъ хорошъ ни былъ, лучше ль вы наѣдитесь, нежели на простомъ и умѣренномъ? Отъ различныхъ приправъ и множества мясъ, потеряете вы вкусъ, или много наѣвшись занеможете отъ того, что не по воли вашей дѣлаютъ,

лаютъ, не чувствуете вы никакого веселія, и всегда вы недовольны. Кого вы пожелаете у себя имѣть, тѣ къ вамъ не будутъ; а вмѣсто оныхъ, придутъ къ вамъ льстецы; первые всѣмъ были бы довольны, а другимъ какъ угощеніе такъ и услуги ваши непріятны; для иныхъ бы по справедливости великолѣпно и изобильно у васъ показалось, а изъ тѣхъ, которыхъ вы угостите, вѣрно найдутся такіе, которые вмѣсто благодарности завидовать будутъ вашему щастію.

Сіе великое множество домашнихъ лучше ли вамъ услужитъ? Конечно вы усердія и вѣрности не увидите, а по большей части найдутся изъ нихъ клеветники, обманщики и похитители.

Красавица во всемъ вамъ угождаетъ. Но какъ вы подумаете, хорошо ли она съ вами поступаетъ, увидите, что она все дѣлала изъ одного прибытка, а не по страсти,

и самагобы подлаго человѣка за равное воздаяніе также бы приняла какъ и васъ. Признайтесь же, что веселія ваши не столь велики какъ вы думали.

Правда, что чрезъ богатство можемъ мы удовольствовать свои страсти и чувства; но тѣмъ самимъ мы въ большее нещастіе приходимъ; ибо чѣмъ мы безпорядочнѣе живемъ, тѣмъ больше отъ того чувствуемъ безпокойства и огорченія.

Изрядно, сказалъ Эрофиль, положимъ, что богатство безпокоитъ и огорченіе наноситъ, и что сохранять его трудно; но не такъ ли вы думаете и о хорошихъ помѣстьяхъ? Господинъ имѣетъ весьма хорошо выстроенную и обширную деревню; въ ней находится совершенное правосудіе, звѣриная охота и рыбная ловля, довольное число наемныхъ и крѣпостныхъ людей; его всѣ любятъ и почита-

читаютъ, а онъ повелѣваетъ ими и живетъ какъ самодержавной владѣтель.

Не спорю я о томъ, отвѣчалъ Арсенъ, что владѣть деревнями весьма не худо; но что жъ касается до пользы и увеселенія отъ оныхъ, то требуется великихъ выгодъ. Когда имѣть деревню и желать ею съ весельемъ пользоваться, непремѣнно должно, чтобъ она была не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ какого нибудь города и не въ степяхъ; но чтобъ имѣла довольно для хлѣбопашества землй, лѣстныхъ угодей, рыбныхъ ловлей, а болѣе всего пріятнѣйшихъ миролюбивыхъ и чистосердечныхъ сосѣдей, съ коими бы оставшееся время отъ домостроительства или экономіи, можно было препроводить наипріятнѣйшимъ образомъ. Владѣющей такою деревнею господинъ конечно веселится съ великою пользою. Онъ съ радостнымъ духомъ смотритъ за хлѣбопашествомъ,

 собирая

собирая хлѣбъ, наполняетъ свои житницы, упражняется въ строенїи, а между тѣмъ съ безпритворнымъ сердцемъ принимаетъ къ себѣ и своихъ добродѣтельныхъ сосѣдей, [добродѣтельныхъ говорю, для того, что въ роскошахъ утопающей человѣкъ и пороками зараженной въ деревенской особливо жизни, гдѣ умѣренность и бережливость обитаютъ, терпимъ быть не можетъ,] такихъ добродѣтельныхъ людей повторяю, не иначе какъ за своихъ искреннихъ друзей почитаетъ, веселится съ ними въ рыбной или въ звѣриной ловлѣ, разсуждаетъ о приведенїи своего домостройтельства въ наилучшей порядокъ и цвѣтущее состоянїе, о изысканїи надежныхъ средствъ къ поправленїю какихъ либо недостатковъ или поврежденїй, и обо всемъ что только до пользы его касаться можетъ. Такая деревня признаюсь меня прельстить можетъ, для того что ея по справедливости назвать можно жилищемъ

щемъ всѣхъ веселій, а болѣе спокойствія и удовольствія духа и самой тишины. Въ противномъ случаѣ когда всѣхъ сихъ выгодъ деревня не имѣетъ, а напротивъ того наполнена во всемъ недостаткомъ, междоусобнымъ несогласіемъ, спорами, тяжбами и прочими несносными обстоятельствами, то не только веселія и пользы принести не можетъ, но болѣе еще въ крайнее раззореніе и самое мученіе ввергнуть въ состояніи; и я совѣтую лучше не имѣть деревень и быть спокойну, нежели владѣть такими, отъ коихъ кромѣ мучительнаго безпойства ничего ожидать не можно.

А ежели богатства, по вашему разсужденію, заслуживаютъ нѣкоторое уваженіе, то малая надежда удержать оныя, и всегдашняя опасность ихъ лишиться, приводятъ оныя намъ въ омерзѣніе и дѣлаютъ недостойными нашихъ неусыпныхъ трудовъ. Лишеніе богатства

гатства наизнатнѣйшаго человѣка, можетъ отъ того только зависить, естьли случится ему быть въ такой компанїи, гдѣ убьютъ человѣка. По сему ли случаю, или по открытїи какихъ писемъ, лишиться онъ можетъ всѣхъ деревень и имѣнїя. Можетъ еще то и отъ меньшей вещи воспослѣдовать, а именно: часто случается, что когда слуга несетъ огонь, заронитъ искру, которая раздувается, зажигаетъ домъ, и околичныя мѣста. Что же надлежитъ дѣлать по законамъ? Слуга былъ причиной сего пожара, будучи на работѣ господина своего, то господинъ долженъ построить погорѣлые домы, и удовольствовать помѣщиковъ въ причиненномъ отъ сего пожара убыткѣ. Теперь хотя бы у него были и милїоны, то и оныхъ не станетъ; онъ до основанїя раззорился; хотя въ томъ виноватъ его слуга, да и все произошло отъ одной искры. По сему можно ль спорить, чтобъ люди были небезразсудны,

когда

когда прилѣпляются къ такимъ имѣнїямъ, которыхъ лишенїе отъ толь малой вещи зависитъ; прїобрѣтенїе жъ и сохраненїе оныхъ производятъ только несносныя отягощенїя и печали.

Безспорно, можете вы пренебрегать женщинъ и богатство, отвѣчалъ Эрофиль, но непростительно вамъ быть нечувствительну къ славѣ, которая есть душа всего свѣта, сѣмя спадшее съ небесъ, и знакъ безсмертїя. Вы имѣете высокїе чины, отмѣнныя заслуги, и живете подъ владѣнїемъ такого Принца, которой оказываетъ вамъ столь чувствительные знаки особливаго своего благоволенїя. Возможно ль вамъ остаться въ уединенїи, и лишиться его, да и всей славы, которую при дворѣ вамъ обѣщаютъ?

Признаюсь, отвѣчалъ Арсенъ, что любовь къ славѣ чувствительнѣе всего меня бъ возбуждала, естьли бъ

ли бъ тѣ, которые такъ какъ раздаватели оной, были безпристрастны и правосудны. Но они также люди, то есть, подвержены предразсужденїю и слабостямъ. Великїя и славныя человѣческїя дѣла равнымъ образомъ производятъ въ насъ мысли такъ какъ нѣкоторые портреты, кои поставлены будучи не въ способныхъ мѣстахъ, и противъ надлежащаго имъ свѣта, конечно представятъ разныя и противныя изображенїя. Съ одной стороны увидите постояннаго Философа, съ другой же смѣшнаго скомароха; въ одномъ мѣстѣ великодушнаго Александра, въ другомъ жестокосердаго возмутителя всея Азїи. Слава, которой человѣкъ отъ великихъ своихъ дѣлъ ожидаетъ, ни отъ чего другаго зависитъ, какъ отъ одного мнѣнїя, которое увеличиваетъ, или помрачаетъ вещь, представляющуюся нашему взору. Великїе чины подобны высокимъ горамъ, на которыхъ разсмотрѣть можно величину и малость людей на

оныя

оныя поставленныхъ. Ежели они тамъ дѣлаютъ подлыя и неприличныя дѣла, то ихъ отвсюду видятъ и пренебрегаютъ, по сравненїю степени, на которую они возведены. А чтобъ по онымъ чинамъ отправлять дѣла пристойнымъ образомъ, то надлежитъ здѣлаться самому себѣ невольникомъ, наложить на себя въ наималѣйшихъ дѣлахъ строгїе законы, и искать въ темномъ и скользскомъ пути славы, которая всегда отъ насъ убѣгая скрывается. Ежели полководецъ отъ пушечныхъ ударовъ, или увидя непрїятеля, въ лицѣ измѣнится; ежели не будетъ въ немъ быстраго разума; естьли излишно, или не доволно отважится; ежели допуститъ на себя напасть; ежели губернаторъ въ укрѣпленномъ мѣстѣ скоро здастся, или долго промедлитъ; ежели договоръ будетъ безполезенъ; ежели судїя, поступая по своимъ страстямъ, утѣснять будетъ добродѣтель, защищая пороки, и естьли имѣть будетъ

детъ подлыя мысли и слабость, не имѣя постояннаго духа: что жъ представятъ намъ на сихъ высокихъ горахъ оные полководецъ, губернаторъ и судїя? Вмѣсто почтенной и величественной Атласовой статуи, которой мы дожидались, увидимъ пигмея, или смѣшнаго карлу. Какая же намъ польза отъ сихъ высокихъ чиновъ, и для чего мы такъ много въ оные произведены быть ищемъ? Для заслуженїя истинныя славы, надлежитъ быть безпорочну, что рѣдко найти можно; да и того ревнительница фортуна лишить насъ можетъ.

Теперь я васъ, дражайшїй Арсенъ, говорилъ Эрофиль, убѣжду тѣмъ, что опровергать вамъ весьма трудно будетъ: развѣ вы противъ того, что въ свѣтѣ всего дороже, возстанете, я подъ симъ разумѣю дружбу. Сей толь прїятной союзъ общества, дѣлаетъ наилучшее украшенїе въ свѣтѣ. Ваша

жена,

жена, ваши дѣти, да и самые ваши друзья зовутъ васъ ко двору моими словами: нечувствительной человѣкъ! можете ль вы оставить ихъ для такого жилища, которое служитъ только убѣжищемъ дикимъ звѣрямъ? Можете ль пробыть безъ жены, дѣтей и друзей, безъ всякаго утѣшенія и довѣренности; жить одному безъ общества, и удаляться отъ всего обхожденія? Можете ль вы склониться на пріятнѣйшія обязательства фамиліи, и на дружескія обхожденія? Можете ль тѣмъ веселостямъ предаться, чтобъ открыть сердце ваше искреннему и вѣрному другу? Наконецъ, можете ли тронуты быть сладкими возбужденіями сходственнаго нрава?

Сіи тѣсныя и пріятныя дружбы, отвѣчалъ Арсенъ, которыя вы столько выхваляете, ничего прелестнаго и основательнаго въ себѣ не имѣютъ, отъ самой безделицы зависятъ, отъ ненаблюденія порядка, отъ неумѣренной скрытности,

сти, отъ упрямства, отъ ревности, отъ зависти, отъ неудовольствія, и отъ долговременной отлучки. Онъ посмотрѣлъ на меня холодно, говоритъ одинъ; онъ весьма вольно, или чрезъ мѣру скрытно обходится съ моею любительницею, или съ моею женою, порицаетъ ревнивой, онъ для корысти со мною знается, и поступки его совсѣмъ для меня непристойны, жалуется скупой; а я его и не зналъ, кричитъ измѣнчивой; я жъ давно его не видалъ, да и позабылъ объ немъ, говоритъ непостоянной; какая жъ та дружба, которой по вашему мнѣнію, надлежало быть вѣчной, но которая такъ скоро пропадаетъ! Не правда ль, что вы въ превеликой дружбѣ съ тѣмъ, что онъ неблагодаренъ, и что вы вѣчно его видѣть не хотите! откуда приходитъ сія великая перемѣна! Ежели вы хотите вѣдать тому причину, то сія не истинная была дружба; потому что оной въ свѣтѣ не обрѣтается; нѣтъ

и сходства нравовъ, которое бы не имѣло своихъ противностей. Люди только самихъ себя любятъ; а веселїе, или корысть къ вамъ ихъ привлекаютъ. Не имѣете ли вы въ томъ какого сомнѣнїя? Можно объявить вамъ о томъ пояснѣе. Вамъ не зачемъ итти дожидаться мнимаго друга на гноищѣ, какъ Іову, или итти въ темницу подъ образомъ обвиненнаго, какъ Іосифу. Нѣтъ, сего много, а только придите въ нещастїе, лишитеся чина и имѣнїя; еще и того много; прощайтесь тутъ со всѣми посѣщенїями, съ довѣренностїю и утѣшенїями вашихъ друзей; тутъ всѣ дружескїе знаки миновались; они убѣгаютъ отъ васъ повсюду, а ежели и случится, что они что ни будь здѣлаютъ въ вашу пользу, то не ошибайтесь, думая, чтобъ оное для васъ учинено было. Нѣтъ, они здѣлали то для своего тщеславїя; а инако они первые были бы старатели вредить вамъ и въ бѣдственномъ вашемъ состоянїи.

Я довольно вижу, перервалъ его рѣчь Эрофилъ, что постигшія васъ чудныя приключенія, вложили въ васъ съ омерзѣніемъ великое презрѣніе къ придворной и свѣтской жизни; однакожъ вы такъ хорошо удалились, что можете по всѣмъ въ свѣтѣ причинамъ тѣмъ похвалиться, что Принцъ оказалъ такіе великіе знаки особливой къ вамъ своей милости, и такъ сильно утверждалъ невинность и достоинства ваши, что вамъ надобно о томъ имѣть совсѣмъ спокойныя мысли. Онъ вамъ вручилъ имѣніе и жизнь Пертинакса вашего злодѣя. Чего жъ вамъ больше надобно? Вы мнѣ ничего не отвѣчаете продолжалъ Эрофилъ; развѣ есть что ни будь такое, что отъ меня скрывать должно? И естьли бъ я не опасался наскучить вамъ, то бъ просилъ разсказать мнѣ, что произошло послѣ того, какъ мы вышли изъ Академіи, въ которой вмѣстѣ находились? Вы знаете, что я съ самаго того времени безпрестанно былъ

въ

вѣ службѣ, или жилѣ во Францїи; и потому можете разсудить какѣ все то, что я о томѣ могѣ увѣдать, состояло вѣ однихѣ переписках, на кои не всегда положиться можно.

Я ничего отѣ васѣ не скрывалѣ, отвѣчалѣ Арсенѣ, и вѣ удовольствїе ваше разскажу вамѣ свою исторїю, начиная отѣ того времени, сѣ котораго вы требуете; и вы увидите сколь различными средствами угодно было провидѣнїю, вывести меня изѣ заблужденїя суетныхѣ свѣтскихѣ дѣлѣ, и вложить вѣ мысль презрѣнїе кѣ онымѣ.

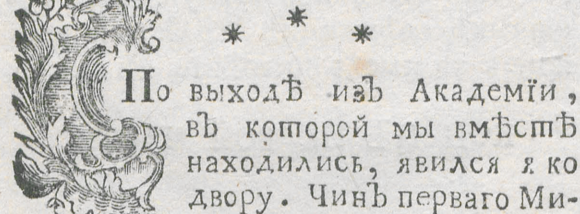
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРІЯ
О
АРСЕНѢ

Часть Вторая.

* * *

По выходѣ изъ Академіи, въ которой мы вмѣстѣ находились, явился я ко двору. Чинъ перваго Министра, въ которомъ былъ мой отецъ и особливая милость съ довѣренностію, которую Принцъ ему оказывалъ, возбуждали почтеніе у всѣхъ и ко мнѣ; но я и тѣмъ утѣшаться не могъ. Непостоянная

ная

ная женская любовь, ужасное лицемѣріе придворныхъ, ихъ происки и ухищренія произвели во мнѣ великое къ тому омерзѣніе. Отецъ мой примѣтя оное, хотѣлъ узнать тому причину; и я ему открылъ, что не могу веселія найти въ такомъ мѣстѣ, гдѣ лицемѣръ и обманщикъ лучше успѣваетъ, нежели честной человѣкъ; гдѣ непостоянная и невѣрная женщина часто преимущество беретъ надъ добродѣтельною и вѣрною. Я такъ говоря, усмотрѣлъ на лицѣ его великую перемѣну. Онъ безпрекословно простилъ меня, что я говорилъ такъ вольно, какъ такого, которой совсѣмъ еще не зналъ, какимъ образомъ должно обходиться въ свѣтѣ; а для познанія науки обращенія, опасаясь, чтобъ я по невѣденію своему не былъ подверженъ какому приключенію, отправилъ меня въ чужіе краи.

Въ семъ путешествіи сотовариществовалъ мнѣ и Пертинаксъ, сынъ

великаго Казначея, которой страстно былъ влюбленъ въ Зелотипу, дѣвицу знатную и превосходящую красотою всѣхъ придворныхъ дѣвицъ. Отецъ, вѣдая необуздан-ныя страсти своего сына, опасаясь отъ того худыхъ слѣдствій, возъимѣрился отправить его со мною вмѣстѣ. Знавали ль вы Пертинакса, спрашивалъ Арсенъ? Онъ былъ человѣкъ такой, которой меньше всѣхъ обуздывать могъ свое стремленіе страстей. Къ насыщенію жъ оныхъ не наблюдалъ онъ никакихъ предѣловъ, какъ вы сами увидите.

Мы высмотря все, что было наилучшаго въ Африкѣ, пріѣхали во владѣніе славнаго Абиссинскаго Императора, и жили нѣсколько времени въ столичномъ городѣ Белмалекѣ, гдѣ обыкновенно пребываніе свое имѣетъ Императоръ, и гдѣ при томъ со мною случились такія чудныя приключенія, которыя конечно покажутся вамъ невѣроятными.

Съ

Съ начала моего пребыванія въ семъ городѣ, препроводилъ я такую же невинную жизнь, какъ и прежде. Но Пертинаксъ жилъ инымъ образомъ; онъ вдался въ любовныя обращенія, и находилъ въ томъ свое удовольствіе; иногда разсказывалъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ, о успѣхахъ своихъ предпріятій, и о щастливомъ окончаніи желаній своихъ; но все сіе приводило меня въ удивленіе, для чего столь разумной человѣкъ вступалъ въ такія непристойныя дѣла. Вы увидите, что съ нимъ произошло, когда онъ началъ-было порочить другихъ поступки.

Въ одинъ прекрасной майской день, вставъ я ранѣе обыкновеннаго, пошелъ прохаживаться въ дворцовой садъ, гдѣ нѣсколько погулявъ, усталъ и сѣлъ на одномъ изъ дерну здѣланномъ канапе, которое подъ густымъ деревомъ стояло. Тутъ уклонивъ голову, вдавался я въ наиглубочайшія размышленія;

ленія; былъ неподвижимъ, и не инако отъ того пришелъ въ чувство, какъ сильнымъ духомъ крѣпкаго спирта. Но какое было мое удивленіе, когда предъ собой увидѣлъ я дѣвицу прелестнаго вида и красоты! Она держала въ рукѣ своей маленькую золотую склянку, изъ которой давала мнѣ нюхать. Тогда хотѣлъ я встать, чтобъ оказать ей знаки моего почтенія и благодарности; но силъ моихъ къ тому не доставало. Нѣжная слабость и холодъ вступили во всѣ члены моего тѣла, и я не могъ здѣлать нималѣйшаго движенія. Краснѣлъ, блѣднѣлъ, вздыхалъ, хотѣлъ говорить, но разумъ мой смутился, и всѣ мысли пришли въ безпорядокъ. Языкъ мой такъ былъ нѣмъ, что никакъ мнѣ было онымъ дѣйствовать не возможно, нижѐ промолвить хотя единое слово. Сія несравненная дѣвица, видя со мной такую перемѣну, оставила меня, и пошла со многими дѣвицами, которыя казались быть для ея услугъ.

услугъ. Я хотѣлъ слѣдовать за нею, естьли бъ подгибающїяся ноги подъ бременемъ моего тѣла не оставляли меня на семъ зеленомъ канапе; терзался жестокимъ отчаянїемъ, что не вѣдалъ своей благодѣтельницы, которой прелести произвели въ моей душѣ такїя дѣйствїя, коихъ я изъяснить не могу. Днемъ не имѣлъ покою; безпрестанно думалъ и смущался; часто искалъ ея въ томъ саду и повсюду. Ночью не спалъ, имѣя мысли наполненны ею; а ежели дремать случилось, то съ тѣмъ токмо, чтобы во снѣ ея увидѣть стократно различными образами. Иногда разумъ мой укорялъ меня моимъ безпорядкомъ; но сей же самой разумъ восхищенъ и обманутъ будучи жестокою моею страстїю увѣрялся, что я вѣчно не могу довольно отслужить такой прекрасной дѣвицѣ.

Въ одинъ день пришелъ посѣтить меня такой человѣкъ, которой былъ въ томъ государствѣ въ

отмѣнном почтенїи и въ великой славѣ, и коему мой отецъ оказалъ знатныя услуги въ Мадерѣ. Онъ для моей забавы хотѣлъ меня взять съ собою въ загородной свой домъ. Такїя веселїя меня не прельщали, и естьли бъ учтивымъ образомъ отказаться я могъ, то бы исполнилъ непремѣнно. Но благопристойность требовала согласиться, что я и здѣлалъ. Удивляйтесь смѣшной моей судьбинѣ, что садясь въ карету, вздумалъ, что не былъ того дня въ томъ саду, гдѣ сїя дражайшая дѣвица въ первой разъ взору моему предстала. Но сколь чрезмѣрно было мое восхищенїе, когда я увидѣлъ ея въ тойже каретѣ, и услышалъ, что она дочь сего знатнаго господина. Мы по причинѣ сего случая сами не знали, гдѣ находились, и во всю дорóгу оба такъ робѣли, что не знали сами что дѣлали.

Пребыванїе мое въ семъ загородномъ домѣ, и дозволенїе, видѣть всегда

всегда прелестную сїю дѣвицу, вновь насъ ободрило. Она призналась, что узнала меня при входѣ моемъ въ карету, вспомня, какъ ей въ саду меня видѣть случилось. Говорила мнѣ, что она думала тогда что я упалъ въ обморокъ. И такъ сожалѣя о тогдашнемъ моемъ состоянїи, и желая подать помочь, давала мнѣ нюхать спирту. Мы находили въ семъ приключенїи нѣчто гораздо чрезвычайное и удивительное. Я разговаривая, увѣдомился отъ ней, что мать ея не давно скончалась, и что она при кончинѣ своей говорила ей о достоинствѣ и превосходствѣ добродѣтели съ такою нѣжностїю и проницательнымъ побужденїемъ что не возможно было не сжалиться. При томъ былъ у нея братъ, котораго она очень любила. Она при всѣхъ случаяхъ писать къ нему не оставляла. Я видѣлъ списки нѣкоторыхъ ея писемъ. Признаюсь, что я никогда не видалъ толь чувствительныхъ и нѣжныхъ выраженїй.

женїй. Сей толь невинной ея поступокъ еще больше меня дѣлалъ страстнымъ, и я почиталъ за превеликое щастїе быть любиму толь благороднымъ и нѣжнымъ сердцемъ.

Потомъ возвратились мы въ Белмалекъ, и я имѣлъ дозволенїе къ ней ѣздить. По чему часто я тамъ бывалъ, и въ хорошїе дни прогуливались мы вмѣстѣ въ нещастномъ томъ саду, гдѣ въ первой разъ я ея увидѣлъ. Страсть моя ежедневно умножалась, по тому что усматривалъ я всегда новыя въ ней достоинства. Но вмѣсто того, чтобъ стараться такъ, какъ всѣ люди, открыть мою къ ней любовь. я употреблялъ всю возможность, скрывать то отъ Уранїи, такъ называлась несравненная сїя дѣвица. Я разсуждалъ, что ежели она во мнѣ оное примѣтитъ, то строгость ея лишитъ меня совсѣмъ ея присутствїя, да и справедливо думалъ, какъ вы увидите.

Одинъ

Одинъ вечеръ послѣ ужина препроводилъ я съ нею гуляя въ дворцовомъ саду. Разговоръ нашъ былъ о несправедливомъ и безчестномъ поступкѣ одного знатнаго человѣка, которой не хотѣлъ жениться на дѣвицѣ, не смотря на то, что самъ ея просилъ въ супружество, для того что ему потомъ досталось великое наслѣдство. Уранїя хулила сей поступокъ, и говорила, что мущины сами только себя любятъ, а въ женщинахъ почитаютъ одну свою корысть, или удовольствїе. Я утверждалъ тому противное, сказывая, что есть люди и другаго сложенїя; я не примѣтя того, весьма ли пристрастно говорилъ; только маленькая собачка, которую держала Уранїя на рукѣ, сильно на меня лаять начала. Вы бы не ошиблись, думая, что сїя маленькая скотинка тайность сердца разумѣла и ревновала, ежели кто страстно на госпожу ея посмотритъ. Сїе подлинно, что когда мущинамъ такъ на нея глядѣть

 слу-

случилось, то она озлобясь, всегда на тѣхъ бросалась.

Въ то самое время, какъ мы въ саду такимъ образомъ прогуливались, услышали вдругъ необычайной шумъ, и увидѣли при концѣ алеи, что свирѣпой левъ къ намъ приближался. Мы думали, что онъ ушелъ изъ звѣринца, которой не подалеку отстоялъ оттуда. Я не знаю, обрадовалъ ли меня сей страхъ или опечалилъ. Ибо жалѣлъ я объ Ураніи; но надежда, замѣнить жизнь ея своею смертію, нѣсколько меня утѣшала.

Левъ шелъ на насъ прямо. Я просилъ Уранію, чтобъ она тогда спасалась, когда я льву сопротивляться стану. Я сказалъ тогда ей страстными словами, что есть люди, какъ она увидитъ, которые могутъ любить не изъ корысти и своего удовольствія. Въ ту минуту левъ, умножа бѣгъ свой, хотѣлъ броситься на Уранію, но я съ

съ превеликою скоростїю сталъ между львомъ и ею, и такъ сильно ударилъ льва шпагою въ челюсти, которыя были отверсты, что конецъ у моей шпаги отломился. Въ то самое время превеликая собака, спущенная конечно для того, чтобъ остановить льва, напала на него, и начала̀ жестоко съ нимъ драться. Мнѣ сперва льва убить хотѣлось, но переломленная моя шпага не пробивала его кожи. Наконецъ левъ осилилъ собаку, ударилъ ея о землю, и подмявъ подъ себя, раздиралъ ея своими когтями. Собака жестоко визжала; на крикъ сей маленькая Уранїена собачка скочила съ рукй у своей госпожи на́-земь, и прибѣжала большой собакѣ на помощь. Удивляйтесь храбрости сея маленькїя скотинки. Она визжала, лаяла, кусала льва: но больше еще льву удивитесь, которой съ одного разу могъ бы лишить ея жизни; совсѣмъ тѣмъ не смѣлъ ея тронуть, нижѐ взглянуть на нея. Я побѣжалъ,

 чтобъ

чтобъ взять маленькую сїю собачку, зная, что Уранїя очень ея любила, и пользоваться тѣмъ временемъ, пока левъ еще съ большою собакою дрался. Маленькая собачка, такъ какъ бы вспомнила о первой своей ревности, не хотѣла мнѣ даться, да еще старалась укусить меня. Какое было мое удивленїе, когда я увидѣлъ, что Уранїя изъ за меня рукой своей сїю собачку ловила; я дрожалъ отъ страху, и просилъ ея, чтобъ она ушла поскорѣе. Большая собака умирала, и левъ свобождалъ уже свои когти изъ ея тѣла, смотрѣлъ на меня, и готовился со мною сразиться. Я вторично свою шпагу противъ его поставилъ; но онъ отъ оной отворачивался, кусая ея. Въ то самое время двѣ свѣжїя собаки, которыя конечно спущены были на крикъ той, которую левъ растерзалъ до смерти, бросились на него, и начали жесточаѣ перваго сраженїя. Я между тѣмъ старался опять притти къ Уранїи, чтобъ проводить ея домой.

На

На пути говорилъ ей о страхѣ, которой я имѣлъ, увидя, какъ хотѣла она поймать свою собачку. Она пріятнымъ и благодарнымъ видомъ отвѣтствовала мнѣ, что она ни о себѣ, ни о собачкѣ такъ не опасалась. Я думалъ, она обо мнѣ скажетъ; и для того палъ къ ногамъ ея, чтобъ показать мою ей благодарность, и взявъ поцѣловалъ у нея руку. Она краснѣла, блѣднѣла и дрожала тогда больше, нежели отъ приближенія львинаго. Наконецъ ушла, оставя меня, и заперлась въ одномъ своемъ покоѣ, не сказавъ мнѣ ни слова. Я пошелъ въ свой покой въ жестокомъ смущеніи духа.

Неосторожность моя дорого мнѣ стала. Я съ три мѣсяца не говорилъ съ Ураніею. Она всегда отъ меня убѣгала, а когда и случилось глазамъ ея съ моими встрѣчаться, то сіе происходило для того только, чтобъ обличить имъ мое дерзновеніе.

Въ

Въ одинъ день отъ жестокаго и несноснаго моего состоянїя, вышелъ я изъ терпѣнїя, и будучи въ крайнемъ отчаянїи, пришелъ въ комнату къ Уранїи и видя, что она одна тутъ пребывала, упалъ я предъ ея ногами и говорилъ такъ: правда, государыня моя, что я дерзской безщастной, которой больше всѣхъ преступленїе здѣлалъ; хочу теперь обмыть кровїю моею обиду, которую я вамъ учинилъ. Я пришелъ о томъ сказать вамъ и впослѣдни предъ глаза ваши явиться. Посемъ вставъ, искалъ дверей, чтобъ вытти. По видимому усмотрѣла она отчаянїе изъ глазъ моихъ: постойте, сказала мнѣ, я хочу поговорить съ вами. Въ ту минуту, какъ она мнѣ это сказала, лакей пришедъ увѣдомлялъ ея, что братъ ея изъ армїи прїѣхалъ. Подите, промолвила она во всемъ васъ прощаю слыша толь прїятное извѣстїе; только впредъ никогда меня видѣть не будете. Другой лакей вошелъ, и сказалъ ей, что

братецъ

братецъ ея ужѐ идетъ къ ней въ покой; что побудило меня поскорѣе выпти, чтобъ ихъ однихъ оставить, опасаясь помѣшать ихъ разговорамъ. Отъ глубины сѐрдца моего почувствовалъ я благодарность за одолженіе, которое оказалъ мнѣ сей братъ при Ураніи, сестрѣ своей. Я стократно своею жизнію ему служить бы не отрекся.

Вы усмо́трите послѣ, какъ я его узналъ. Въ тотъ же день отужинавъ съ Пертинаскомъ, пошелъ я съ нимъ прогуливаться. Возвращаясь съ гулянья, увидѣли мы противъ себя двухъ молодыхъ кавалеровъ: одинъ шедъ по сю сторону доро́ги нарочно или нечаянно въ темной ночи, ударилъ шпагою Пертинакса, которой скоро обнажилъ и свою. Оба сіи кавалера вооружились, и я учинилъ тоже. Пертинаксъ со мною сталъ противъ двухъ сихъ молодыхъ кавалеровъ; онъ побѣдилъ своего соперника, убивъ

убивъ его до смерти; а я только что отводилъ отъ себя удары, которые чинилъ мнѣ мой соперникъ; я хотѣлъ только уступить, и отдать шпагу, какъ тотъ не выждалъ, и самъ всѣмъ тѣломъ на мою шпагу накололся. Народъ собрался взять насъ; Пертинаксъ пробравшись ушолъ, а я пойманъ и посаженъ былъ въ темницу; вамъ не льзя вообразить себѣ прекрайняго моего нещастїя. Уязвленной человѣкъ моею шпагою, былъ братъ Уранїинъ. Сей столь любезной братъ, сей братъ, которому я обязанъ былъ милостїю Уранїи, и которой съ часъ послѣ раны въ рукахъ у нея умеръ. Правда, сказалъ я судьѣ, которой меня допрашивалъ: я злой и непотребнѣйшїй всѣхъ людей, и нѣтъ у васъ довольно мучительной казни, которой бы наказать ужасное и проклятое мое преступленїе. Въ отвѣтъ приказалъ мнѣ подать бумагу, на которой писалъ онъ, что ему угодно было, и я ея тотчасъ подписалъ,

салъ, думая чрезъ то предускорить своею смертїю. Вотъ и послѣдней ударъ, которой лишилъ меня всего терпѣнїя. Рѣшенїе обо мнѣ было такое, что будто я бившись съ Уранїинымъ братомъ, которой въ темнотѣ просвѣтясь нѣкоторыми лунными лучами, меня узналъ, бросилъ свою шпагу, и бѣжалъ со мною обняться; а я вмѣсто того, чтобъ принять его такимъже образомъ, употребилъ будто сей случай, чтобъ заколоть его своею шпагою. Въ допросѣ, которой я подписалъ, казалось, что я въ семъ убивствѣ самъ признался. Стыдъ и безчестїе столь скверного и безбожнаго поступка, въ которомъ я въ допросѣ самъ признался, такъ жестоко меня поразилъ, что я лишился почти всѣхъ чувствъ, а сперва какъ я о томъ увѣдалъ, то больше двухъ часовъ въ такомъ жалкомъ состоянїи находился, что судья принужденъ былъ выпти, и оставить у меня доктора. Наконецъ какъ я пришелъ въ себя, оставили

вили меня въ покоѣ. Боже мой, какой покой! какъ! говорилъ я самъ въ себѣ: это я убилъ, безчастная Уранія, того брата, котораго вы столь горячо любили? Сіе всего чувствительнѣе было вашему сердцу, и тѣмъ самимъ пронзить я его старался. Сей столь дражайшій братъ шелъ меня обнять! Сказали ль вамъ, что я грудь его тогда шпагою моею пронзилъ; какая награда за несказанныя ваши милости? Вы теперь меня почитать должны неблагодарнымъ и ужаснымъ смертоубійцемъ, къ которому больше всѣхъ омерзѣнія имѣть должно.

Разсуждая такъ, услышалъ шумъ у дверей, и увидѣлъ шедшую ко мнѣ Уранію, въ лицѣ ея усматривалъ несказанную печаль; бѣжалъ пасть предъ ея ногами, говоря ей прерывающимися словами отъ рыданія: простите, государыня моя, и не гнѣвайтесь, что я еще живъ на свѣтѣ, печаль одна меня не

не умерщвляетъ. Такой бесщастной человѣкъ, какъ я, недостоинъ окончить жизнь свою иначе какъ жестокими и безчестными казньми.

Уранія отвѣтствовала мнѣ облившись слезами, что она знаетъ мою невинность; братъ ея сказалъ ей, какъ я отводилъ только отъ себя его удары, не желая лишить его жизни; но онъ самъ накололся на мою шпагу; просилъ ея при концѣ своея жизни, чтобъ засвидѣтельствовать чрезъ сіе мою невинность, и кончаясь упросилъ ея, чтобъ она всевозможное стараніе употребить обѣщалась, дабы избавить меня отъ сего бѣдства и заключенія. Она говорила и производила все, что ей было возможно къ моему оправданію, но выслушать ея не хотѣли. Человѣкъ, убитой Пертинаксомъ, былъ Канцлерской внукъ, которой утѣшиться о немъ не могъ. И такъ я и Пертинаксъ, котораго повсюду искали, приговорены были къ смерти Императорскимъ

скимъ совѣтомъ. Совсѣмъ тѣмъ пришла она меня свобождать изъ темницы, и спомоществовать къ моему спасенію. Я не хотѣлъ пользоваться сею милостію; говорилъ ей, что я виноватъ, что въ щастіи преступилъ предѣлы благопристойности и причинилъ ей тѣмъ скорьби, за которыя долженъ наказанъ быть наижесточайшимъ мученіемъ. Мы долго о семъ говорили; но наконецъ мнѣ ей уступить надлежало, и я одѣвшись въ платье дѣвки, которую она привела съ собой, и которая вмѣсто меня осталась, вышелъ изъ темницы. Она говорила, что здѣлавъ такое для меня дѣло, въ белмалекѣ больше жить не возможно. И такъ приняла намѣреніе слѣдовать со мною въ Мадеру, ежели я дамъ слово на ней женитьбся, невинность мою провидѣніе когда нибудь откроетъ, а то, что я для нея дѣлалъ при нападеніи львиномъ, оправдитъ ея предъ всемъ свѣтомъ. Какъ я далъ ей свое слово, то скоро отпустила

она

она меня съ довольнымъ экипажемъ. Мнѣ не льзя было мѣшкать. Она дала мнѣ свой ларчикъ съ драгоцѣнными каменьями, велѣла себя дожидаться въ Мелиндѣ, и обѣщала туда прiѣхать, какъ скоро ей будетъ возможно.

Какая перемѣна въ моемъ щастiи! Я почиталъ себя ненавистнымъ и презрѣннымъ отъ Уранiина гнѣва, и вмѣсто всего утѣшенiя, ожидалъ скорѣе безчестной смерти. Но видѣть себя избавленнымъ, любиму быть Уранiею, и скоро на ней жениться, какая чрезвычайная перемѣна! Но послушай, дражайшiй Эрофилъ; люди не съ тѣмъ родятся, чтобъ щастливыми быть въ сей жизни. Какая печаль, какое сокрушенье! Когда подумаю, что отецъ мой на супружество сiе не согласится, и не приметъ Уранiи такъ, какъ я желаю, и сколько она того достойна.

Прiѣхавъ въ Мелиндъ, услышалъ я, что Пертинаксъ ушолъ въ матрос-

матросскомъ платьѣ, и находится при дворѣ Мадерскомъ; что отецъ мой увѣдомился о моемъ злоключенiи, и что я осужденъ буду, жалѣя о томъ весьма много, впалъ въ болѣзнь и еще находится въ крайней опасности. Я бы тысячью своихъ жизней охотно поступился, чтобъ прибавить одинъ день родительской жизни. Но тогда я разсуждалъ съ веселiемъ о его смерти, думая тѣмъ дѣла свои совершить самовластно, и по желанiю жениться на Уранiи; и вмѣсто того, чтобъ итти утѣшать отца своего и присутствiемъ своимъ избавить его отъ болѣзни, жилъ все въ Мелиндѣ, ожидая Уранiина прибытiя; но напротивъ того сколь же много я и наказанъ за неправедное и варварское сiе мнѣнiе письмомъ, которое она ко мнѣ отписала и отъ котораго конечно думалъ лишиться жизни. Оное состояло въ томъ, что она готовилась къ отъѣзду, но одумавшись, усмотрѣла, что она чрезъ то честь и славное

свое

свое имя въ свѣтѣ потеряетъ; что можетъ быть я впредь меньше почитать ея стану; что можетъ быть фамилія моя съ гнѣвомъ и презрѣніемъ на все смотрѣть будетъ; что и меня чувствительно огорчать будетъ; и такъ, чтобъ всего того избѣжать, приняла она намѣреніе удалиться свѣта и итти въ монастырь, для окончанія остатка дней своея жизни; а меня усердно просила, чтобъ я взялъ себѣ для ея памяти драгоцѣнные ея каменья.

Правда, Уранія, говорилъ я самъ себѣ, что ты гораздо несправедливѣе и жесточаѣ совѣта Императорскаго и всѣхъ казней вмѣстѣ. Почто свобождать было изъ темницы? Почто давать мнѣ жизнь, чтобъ препроводить ея въ разлукѣ съ тобою, въ жестокомъ и въ крайнѣ-нещастномъ состояніи? Первое мое намѣреніе было то, чтобъ отдать себя въ то заключеніе, откуда Уранія меня свободила и

 про-

просить определенной мнѣ смерти Императорскимъ совѣтомъ. Въ семъ находилъ я то утѣшенiе, чтобъ учинить отмщенiе Уранiи.

Какъ первыя сiи размышленiя миновались; помышлялъ я о слабостяхъ, о превосходномъ разумѣ и о добродѣтели Уранiи, и почиталъ себя въ разсужденiи ея недостойнымъ человѣкомъ. Какъ? сказалъ я самъ въ себѣ, отецъ мой умираетъ отъ того, что любитъ меня много, и терзается по причинѣ моего отсутствiя и нещастiи; но я неблагодарной и недостойной сынъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить къ нему на помочь, и ободрить его своимъ прибытiемъ, живу здѣсь, утопая въ любовной страсти, дожидаясь любовницы, которая меня покидаетъ, и отдаетъ на жертву жесточайшимъ мученiямъ. Такiя разсужденiя и множество другихъ, которыхъ здѣсь теперь описать мнѣ вамъ не возможно, привели меня въ чувство

и

и принудили ѣхать въ Мадеру; куда я скоро пріѣхавъ нашелъ отца своего при смерти. Ты опоздалъ, любезный мой сынъ, сказалъ онъ мнѣ, простирая свою руку, присутствіе твое не возвратитъ ужѐ моея жизни; однако я умираю съ покоемъ, что въ твоихъ объятіяхъ; имѣй твердую вѣру, дражайшій мой сынъ, продолжалъ онъ слабымъ и прерывающимся голосомъ, люби своего Принца, будь къ нему вѣренъ, не удаляйся нимало отъ его интересовъ; сноси постоянно злощастія; будь тѣмъ терпѣливѣе и непоколебимѣе, чемъ упорнѣе гнать тебя станутъ; я проливая слёзы, умиралъ съ жалости, слыша выговоръ за то, что не пришелъ прежде, и тѣмъ сталъ причиною смерти отца своего. Полно тебѣ ослабѣвать, дражайшій сынъ, продолжалъ онъ, мнѣ надобно съ тобой разстаться, внимай любезный сынъ послѣднія мои слова, и исполняй ихъ: будь добродѣтеленъ; убѣгай пороковъ; обуздавай страсти; дѣлай при вся-

всякомъ случаѣ всѣмъ, сколько можешь, добро; презирай отмщеніе своимъ злодѣямъ, а напротивъ того благодѣтельствуй имъ, чрезъ что покажешь свѣту, что ты великаго духа и благотворительной человѣкъ; наконецъ взирай на свою жизнь какъ на такое путешествіе, которое преисполнено будучи всѣхъ безпокойствъ, суетъ и бѣдствій приводитъ насъ къ тихому и безбѣдному жилищу, гдѣ спокойствіе съ вѣчностію обитаютъ. . . Прости, будь навсегда честенъ. При послѣднихъ словахъ память у него отнялась; а потомъ скоро и скончался.

Смерть его столько мнѣ была чувствителна, и такъ мною овладѣла, что я старался только исполнить послѣднія родительскія приказанія, то есть, чтобы единственно наблюдать свою должность, и свою честность, презирая всѣ пышности свѣта.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

АРСЕНЪ,

или

СУЕТА СВѢТА,

Частъ Третья.

* * *

Принцъ, сожалѣя о смерти отца моего, говорилъ въ прославленїе его многїя весьма похвальныя произведенныя имъ дѣла; а мнѣ всѣ чины его пожаловалъ. Какъ годъ траура минулъ, соизволенїе его было, чтобы меня женить. Невѣста, которая для меня была назначена, называлась Зелотипа. Она была прекраснѣе всѣхъ при-

 двор-

дворныхъ дѣвицъ. Сія дѣвица была та самая, въ которую Пертинаксъ весьма влюбленъ былъ. Весь дворъ веселился симъ супружествомъ, выключая Пертинакса, которой не со всѣмъ свободясь отъ своей къ Зелотипѣ страсти, крайнѣ о томъ соболѣзновалъ; но скрывалъ свою досаду, которая ужѐ спустя много потóмъ времени, наружу вышла.

Казалось, что Зелотипа и я могли бы препровождать наищастливѣйшую жизнь. Мы были молоды, богаты, въ почтенїи у всѣхъ придворныхъ, и въ любви у своего Принца; не великое ли благополучїе сїе для человѣка? Совсѣмъ тѣмъ, мы не были еще щастливы; для того что щастїе есть вещь неопредѣленная человѣку въ сей жизни. Зелотипа жестоко ко мнѣ ревновала. Я напротивъ того всю возможность употреблялъ, чтобъ не подать ей ни малѣйшїя причины къ подозрѣнїю. Предостo-

рожно-

рожности мои были безполезны,
и только что скорбь ея умножали.
Она увѣряла меня день и ночь въ
своей ко мнѣ любви и вѣрности.
Иногда своими выговорами и рев-
нивыми подозрѣніями, иногда жъ
нѣжностями нарушала покой сво-
его и моего сердца. Говорила, буд-
то я имѣю къ ней одно только
почтеніе и благодарность не чув-
ствуя ея страсти. Но я посту-
палъ всегда со учтивостію; не
чувствовалъ къ ней отвращенія,
не ревновалъ, и объ ней не тер-
зался. Она говорила, будто Ура-
нія всю нѣжность сердца моего
истощила, ей ничего не оставя;
и что она съ охотою желала бъ пе-
ремѣнить долю свою съ Ураніею.
Я долженъ былъ сносить всякой
день такія укоризны; да и время
столь великой врачь, ничего въ
томъ не успѣвало. Я отъ супру-
жества ея имѣлъ сына и дочь; всѣ
ея старанія состояли въ томъ,
чтобъ воспитать ихъ честнымъ
образомъ, дабы тѣмъ склонить ме-

ня къ себѣ наибольше. Никакой отецъ не могъ столько, какъ я, имѣть отъ своихъ дѣтей удовольствія. Сынъ мой хотя былъ очень молодъ, но удивительно, какъ хорошо располагалъ свои упражненія, и оказывалъ столько разума и разсужденія, какъ бы са́мой искусной придворной человѣкъ. Дочь моя будучи осмнатцати лѣтъ, помрачала всѣхъ придворныхъ красавицъ. А меня наибольше веселила ея добродѣтель и любовь ко мнѣ какъ къ своему родителю.

Между тѣмъ Пертинаксовъ отецъ, будучи великимъ Казначеемъ, скончался. Пертинаксъ старался получить его чинъ. Принцъ въ томъ ему отказалъ, вручая оной мнѣ. Я просилъ отъ того меня уволить; но Государь требовалъ послушанія. Я все, что мнѣ возможно было, говорилъ къ моему оправданію съ Пертинаксомъ. Онъ казался тѣмъ быть доволенъ; но любовница и чинъ отца его, похищен-

хищенные мною, заразили сердце его ревностїю и отмщенїемъ; чего онъ по смерть свою не оставилъ.

Труды мои въ отправленїи великаго Казначея должности, имѣли щастливой успѣхъ по тому, что доходы знатно умножились, и Принцъ щедро за то меня награждать изволилъ; что я принималъ не безъ угрызенїя моей совѣсти, въ разсужденїи тягости, претерпѣваемой многими нещастными, которые государственные расходы снабдѣвали.

Въ то время воспослѣдовала жестокая война между нами и Королемъ Анголомъ. Успѣхъ оружїя былъ намъ противенъ, и дѣла такъ худо происходили, что мы часть самаго лучшаго нашего войска, и знатнѣйшїя мѣста потеряли. Сїе насъ учинило неспособными продолжать войну далѣе, и для того надлежало прекратить оную. Я чрезъ свои происки такъ хорошо успѣлъ, что Абиссинской Императоръ принужденъ былъ объ-

явить себя посредникомъ нашего несогласія, и начать войну съ тѣмъ, кто не будетъ склоненъ на его посредство. Требованія обѣихъ сторонъ поручены были сему Государю. Какъ я увидѣлъ, сколь важно было склонить его на нашу сторону, то опредѣлилъ послать къ нему дары и деньги главнѣйшимъ его Сенаторамъ. Уранія чрезъ великія свои достоинства здѣлалась главною въ томъ монастырѣ, гдѣ она находилась. А какъ сей монастырь былъ самой лучшій и богатѣйшій во всемъ государствѣ, то и жило въ немъ множество дѣвицъ знатныхъ. Сіе самое познакомило Уранію со всѣми именитыми людьми того государства; но въ знатность наиболыше приводило ея то, что отецъ у нея былъ первоначальнымъ въ Императорскомъ Сенатѣ. Сія была основательная причина, по которой могъ я чрезъ Уранію раздавать деньги, для совершенія моего предпріятія; почему, и посылалъ я на ея имя

вексе-

вексели. Дѣла такъ скрытны были, и толь благополучной успѣхъ получили, что Императоръ на нашу сторону склонился, принудилъ Короля Ангола, заключить съ нами миръ, и отдать намъ завоеванныя наши мѣста. Но какъ сей миръ могъ бы скоро прерваться, то, чтобъ принудить сего Императора, содержать оной ненарушимо, здѣлалъ я чрезъ Уранїю, чтобъ ежегодно давать награжденїе главнѣйшимъ Сенаторамъ. Такимъ образомъ получилъ я все мною желанное. Я употреблялъ на сїе скопленныя мною деньги отъ щедрыхъ подарковъ, которыя получалъ ежедневно отъ Принца, увѣренъ будучи, что разумнымъ Министрамъ надлежитъ употреблять щедрости своихъ Принцовъ къ благополучїю и славѣ ихъ государства. Вы удивитесь, что я и при началѣ сея политики и раздачи, ничего не сказывалъ Принцу, опасаясь того, что можетъ быть оная еще и не удастся, или Принцу не будетъ

то угодно. А послѣ ужѐ не смѣлъ изъясниться, чтобъ Принцъ не подумалъ, что я прошу отъ него возврату употребленныхъ на то моихъ денегъ. Однимъ тѣмъ веселился, что видѣлъ свое отечество избавленное отъ ужасной войны, наслаждающееся спокойнымъ и блаженнымъ миромъ, чрезъ мои труды и употребленныя деньги. Но, въ томъ какой успѣхъ, всѣ мои о благоденствіи государства неусыпныя старанія, получили! Я обвиненъ былъ, будто казенныя деньги пересылалъ въ Белмалекъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ тамъ, женясь на Ураніи, совсѣмъ поселиться.

Посаженъ за то въ тюрьму, а имѣніе мое все опечатано было.

Обвиняли меня векселями и квитанціями на суммы, посланныя къ Ураніи, для раздачи главнымъ Сенаторамъ Абиссинскаго Императора, и для уплаты двухъ писемъ, одного рукй Ураніи, а другаго подписаннаго мною. Уранія просила

меня,

меня, чтобъ я за послѣднее не мѣшкавъ переслалъ деньги на разплату; что меня весьма хорошо примутъ, и получу отъ Императора все, чего желаю. Другое же письмо руки моей было то, въ которомъ писалъ я о приготовленіи моемъ къ отъѣзду для совершенія нашего дѣла. Сіи два письма̀ были перехвачены, и показаны мнѣ при допросѣ вмѣстѣ съ векселями и квитанціями, по которымъ Уранія заплатила. Я долженъ былъ показать такъ, какъ дѣла̀ происходили, для моего лучшаго оправданія; велѣлъ принести мой реестръ, письма и записка, касающіяся до сего дѣла. Оныя всѣ запечатаны были въ одномъ крѣпкомъ сундукѣ. Мнѣ только надобно было показать, куда издержаны посланныя деньги къ Ураніи. Деньги требованныя ею слѣдовали къ раздаренію главнѣйшимъ Императорскимъ Сенаторамъ, которыхъ на нашу сторону склонить надлежало. Путешествіе, которое мнѣ

 пред-

предпріять надобно было, слѣдовало для того, чтобъ взять вексели и сыскать способы для пересылки денегъ къ Ураніи. А понеже дѣла надобно было производить весьма тайно, то я и дѣлалъ все одинъ, не призывая никого къ себѣ въ помощь. Но я не хотѣлъ открыть судьѣ, которой меня допрашивалъ о сихъ произшествіяхъ, опасаясь, чтобъ не здѣлать большаго предосужденія государству слухомъ, которой по свѣту о томъ произнесется, когда о политикѣ нашей увѣдаютъ. Я никогда не могъ подумать, чтобъ такое дѣло худо принято быть могло. И для того сказалъ я судьѣ, что я одному Принцу открыть могу тайность сего дѣла. Судьи инако толковали мое молчаніе, и думали, что сіе было мое пронырство, чтобъ тѣмъ избавиться достойнаго наказанія за мое преступленіе. Совсѣмъ тѣмъ вездѣ говорили, что осужденіе мое было неизбѣжно, и что я конечно умереть долженъ.

Сколь

Сколь много человѣческое сердце несправедливо и немилосердо къ злополучнымъ! Министръ почтенный, славный во всемъ свѣтѣ, богатый, и имѣвшій великое во всемъ изобиліе, оказывавшій знатныя услуги многимъ людямъ, и которому часто каялись благодарностію и вѣчною дружбою; супругъ и отецъ предъ симъ столь любимый женой, дѣтьми и пріятельми своими, видитъ себя презрѣннаго и оставленнаго отъ всего свѣта, безъ помощи, безъ утѣшенія и безъ всего потребнаго въ жизни! Зелотипа супруга, которой сердце всегда столь нѣжно и страстно быть казалось, не хочетъ меня больше видѣть, оставляетъ и удаляется въ монастырь, будучи неосновательно предупреждена, будто я хотѣлъ ея покинуть и уѣхавъ изъ государства жениться на Ураніи; называетъ меня неблагодарнымъ, измѣнникомъ и злодѣемъ. Дочь моя, которую я всегда почиталъ столь добродѣтельною, и которая меня горя-

горячо любила, не посѣтила меня ни однажды. А къ большему еще моему нещастїю, услышалъ я, что она препровождаетъ цѣлые дни, запершись одна въ комнату съ Пертинаксомъ, нимало не охраняя своей чести и добраго имени. Ахъ! какую чувствовалъ я тогда досаду, унынїе и отмщенїе. Сынъ мой, казалось, что прекратилъ всѣ естественныя свои дарованїя, и позабылъ меня съ тѣмъ, чтобъ безвыходно быть у своего Принца. Наконецъ лучшїе мои прїятели и друзья начали прежде всѣхъ гнать меня въ нещастїи и порочить мой поступокъ, уважая преступленїе мое. Однакожъ я утѣшался тѣмъ мнѣнїемъ, что невинность моя скоро объявится чрезъ письма, которыя найдутъ въ крѣпкомъ сундучкѣ за печатью, и что вся фамилїя и друзья мои укорять себя будутъ несправедливымъ своимъ мнѣнїемъ.

Я съ нетерпѣливостїю дожидался открытїя сей печати. Но вдругъ

вдругъ услышалъ, что домъ мой зажженъ былъ и сгорѣлъ безъ остатку. Тогда-то думалъ я совсѣмъ погибнуть; усматривая, что згорѣлъ и тотъ крѣпкой сундучокъ, въ которомъ находились къ оправданїю и невинности моей служащїя письма. А сїе и послѣдней меня лишало надежды, что два безстыдные человѣка нагло утверждали мнѣ въ глаза, будто я хотѣлъ имъ дать деньги за то, чтобъ сожгли мой домъ. Разсуждали, что сїе учинить было должно для того, чтобъ утаить находящїяся къ обличенїю моему вещи. Такимъ образомъ осужденїе мое единогласно клонилось къ смерти. Затрудненїе судьямъ моимъ было то, чтобъ знать, въ какомъ бы преступленїи уличить и осудить меня можно было. Естьли сказать, что я похищалъ казну, то не имѣли они нималѣйшаго доказательства; не было также причины, осудить меня какъ зажигальщика. Объявленїя сихъ двухъ свидѣтелей недовольно,

вольно, потому что я не велѣлъ имъ зажигать дому, но только будто о томъ имъ говорилъ; по чему исполненія еще не видно было. Для сихъ причинъ осужденіе и казнь мою отложили доутра.

Удивитесь, можно ли полсудственному быть людямъ! Судьи мои приговорили меня къ смерти, ни о чемъ не подумавъ. А когда пришло сказать, въ какомъ я преступленіи обличенъ, того они не знали, и на томъ остановились. Въ большее удивленіе придите, когда усмотрите, какимъ образомъ божественное провидѣніе не взираетъ на человѣческія слабости, совершая все по неперемѣняемымъ своимъ судьбамъ.

Вы легко можете себѣ представить, какимъ образомъ препроводилъ я ту ночь, узнавъ свое осужденіе, и какъ дѣла происходили. Я съ удивленіемъ разсматривалъ человѣка, его слабости и бѣдственное его состо-

стоянїе, съ которымъ сопряжена жизнь его представлялъ себѣ степени чести и славы, на которыя видѣлъ себя возвышеннымъ. Сїе толь скорое и такъ мало мною заслуженное низверженїе, безчестная казнь, стыдъ упадающїй на мою дочь, воспоминанїе о моемъ отцѣ, которой столь чувствителенъ былъ къ чести, вообраєенїе, сколь много онъ сожалѣлъ бы о моихъ нещастїяхъ, мучили меня несказанно. Уранїя не меньше меня терзала, когда на мысль мнѣ приходило, что она почитать себя будетъ причиною моего страданїя и безчестїя. Едва не роптал я на небо о его несправедливости; а иногда думалъ, что не было провидѣнїя, потому что осужденъ за такое преступленїе, которому не былъ виною, и привлекъ въ мое нещастїе такихъ людей, которые не для того рождены, чтобъ сносить толь жестокую и безчестную судьбину.

На-

Наконецъ часъ приближался, котораго я ожидалъ для своей казни. Услышалъ вдругъ превеликой шумъ у дверей, и видѣлъ шедшаго ко мнѣ Капитана Принцовой гвардіи. Какое мое было тогда удивленіе, когда я отъ него услышалъ, что онъ пришелъ отъ Принца съ обнадеживаніемъ, что онъ, узнавъ мою невинность, приказалъ меня освободить.

Въ сію минуту наипаче всего побудило меня то, что я приписывалъ провидѣнію божію несправедливость, обвиняя оное столь неблагодарно и богоотступно, чувствуя напротивъ того многія божескія милости.

Я нимало не медля, пошелъ благодарить Принца, и увѣдомился, что тотъ крѣпкой сундучокъ, въ которомъ были письма, служащія къ моему оправданію, упалъ во время пожара изъ верьхняго этажа въ нижней, и отъ тяжести

золота,

золота, которое въ ономъ лежало, вдавился глубоко въ навозъ, приготовленной для помаранцовыхъ деревьевъ, и отъ того не згорѣлъ. Нашли оной послѣ подъ разваленными стѣнами совсѣмъ невредимымъ. Мнѣ сказывали, потомъ что Принцъ приказалъ оной отперетъ при себѣ, и по бумагамъ и письмамъ, которыя въ ономъ находились, узналъ, что деньги, которыя я послалъ изъ Мадеры, принадлежали мнѣ: а употреблены были для одной государственной пользы. Принцъ признался, что Мадера получила превеликую отъ того выгоду. Меня увѣряли, что онъ весьма сожалѣлъ о моемъ утѣснении, и о обидѣ мнѣ причиненной. Видѣлъ претерпѣваемыя мною гонения отъ клеветы моихъ злодѣевъ, которыхъ онъ вѣдать желалъ. И для того приказалъ изслѣдовать правду изустно отъ двухъ доносителей, которые показывали, будто я хотѣлъ имъ дать деньги за сожжение моего дому. Онъ увидѣлъ, какъ они въ допросѣ признались,

что

что Пертинаксъ научилъ ихъ произвести на меня такое оклеветанiе. Онъ же далъ имъ деньги за сожженiе моего дому. Принцъ усмотрѣлъ притомъ Пертинаксовы противъ меня чувствительныя дѣйствiя отмщенiя, и вѣдая опасной и злой его нравъ, приказалъ его арестовать. Пертинаксъ въ отчаянiи признался въ томъ, что сiи два свидѣтели на него показывали. Онъ только требовалъ себѣ смерти, и самъ на свою жизнь покушался; да и совершенно приговоренъ былъ къ смерти.

Я видѣлъ Принца, которой говорилъ, что онъ о невинности моей извѣстенъ, а Пертинакса хотѣлъ наказать за его оклеветанiе и злое преступленiе. Мнѣ жаловалъ все конфискованное его имѣнiе. Я упалъ передъ нимъ просилъ у него за всѣ понесенныя мною напасти, и за многiя вѣрныя мои къ нему услуги, простить Пертинакса. Онъ мнѣ въ томъ отказалъ; но я

такъ

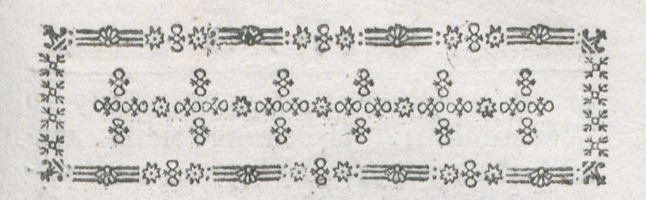
такъ хорошо изъяснилъ ему чувствительную ревность, которую имѣлъ ко мнѣ Партинаксъ, что Принцъ склонился; а наипаче тѣмъ, что Пертинаксъ, будучи гордъ, чувствительное наказаніе примѣтъ, получа чрезъ меня Принцову милость. Совсѣмъ тѣмъ, я удостоился получить исполненіе по моей прозьбѣ. Тотчасъ пошелъ къ Пертинаксу, чтобъ прежде всѣхъ его о томъ увѣдомить и свободить его изъ заключенія. Онъ видя меня, трепеталъ, отступая назадъ. Но я напротивъ того приближался къ нему съ откровеннымъ и искреннимъ сердцемъ, обявляя ему, что исходатайствовалъ у Принца ему свободу, чемъ его и поздравлялъ. Я говорилъ, подавая руку: позабудемъ Пертинаксъ, прошедшее, и все то, что вы терпѣть меня принуждали. Я прошу вашей ко мнѣ дружбы. По сихъ словахъ, видъ его перемѣнялся, глаза его становились дики и свирѣпы; хотѣлъ говорить, но грудь его такъ тѣснила,

снила, что онъ не могъ промолвить, и упалъ въ обморокъ. Призванные Доктора̀ нашли его въ самомъ худомъ состоянïи, и опасаясь, чтобъ присудствïе мое не зделало ему большаго вреда, приказали мнѣ отъ него выттти.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

АРСЕНЪ

АРСЕНЪ,

или
СУЕТА СВѢТА.

Частъ Четпертая.

* * *

Я не успѣлъ войти въ тотъ домъ, которой убѣжищемъ своимъ назначилъ, увидѣлъ, что множество людей въ комнату мою пришли, услыша о моемъ благополучiи. Въ началѣ Зелотипа, потомъ дочь, сынъ, родственники, домашнiе и прiятели. Наконецъ много сошлось всякаго рода людей, кои всѣ увѣряли меня услугою

свою и дружбою, и ужасной шумъ производили. Простите меня, дражайшій супругъ, говорила мнѣ тогда Зелотипа, обнимая мои колѣна за всѣ мои несправедливыя противъ васъ поступки. Ужѐ въ вѣкъ мой ревновать къ вамъ не буду; и естьли бъ причиною тому не были обманчивыя и язвительныя слова нещастнаго Пертинакса: вы бы никогда не были мною недовольны. Дочь моя, плача, подавала мнѣ письмо, очень сходное съ моею рукою, и говорила: кто бъ не ошибся въ письмѣ, которое на вашу руку такъ много походитъ? Сіе письмо, казалось мнѣ, отъ васъ послано; оное возбраняло мнѣ васъ видѣть въ заключеніи. Сколь много сіе запрещеніе слезъ мнѣ причиняло! Оное жъ письмо повелѣвало мнѣ почитать Пертинакса такъ какъ моего будущаго супруга, ничего предъ нимъ не скрывая. Сколь много мнѣ себя перемогать надлежало! Я усматривала, что Пертинаксъ, въ милости былъ у Принца; и видя

вашу

вашу опасность, представляла себѣ, что вамъ необходима была его помощь для исходатайствованія Принцовой милости, и чрезъ меня надобно склонить Пертинркса на вашу сторону. Ахъ! дражайшій родитель! чегобы я не здѣлала, и не претерпѣла для спасенія вашей жизни? Такимъ образомъ пресѣкла она свой разговоръ, проливая слезы. Сынъ мой разсуждая, говорилъ мнѣ, что онъ для освобожденія моего за благо разсуждалъ не являться ко мнѣ въ заключеніе и чрезъ то не подавая подозрѣнія, усерднѣе стараться умилостивить Принца. Сродственники и друзья говорили также все, что прилично было моему состоянію. Но всего смѣшнѣе, что и тѣ самые, которые разграбили мое имѣніе за нѣкоторые оставшіеся начеты, увѣрить меня старались, будто я долженъ еще благодарить имъ за то, что они съ тѣмъ намѣреніемъ брали мои пожитки, дабы возвратить оные моей фамиліи. Вотъ какая была тогда превратность!

Признаюсь вамъ, что мнѣ весело тогда было. Одинъ только человѣкъ нашелся, которой послѣдовалъ природѣ, то есть, Пертинаксъ, которой взошедъ въ мою комнату, въ отчаянїи сказалъ мнѣ: изъ всѣхъ мученїй, которыя вы терпѣть меня принуждали, Арсенъ, наитягчайшее есть то, что я чрезъ васъ получилъ освобожденїе. Нѣтъ, никогда не бывало жесточайшаго мученїя, и сердце мое столько въ вѣкъ мой не терзалось самымъ чувствительнѣйшимъ угрызенїемъ, какъ теперь; отчаянїе мое привело меня теперь въ вашъ домъ просить, чтобъ вы зжалившись надо мною лишили меня несносной моей жизни. Выговоривъ сїе и видя, что я не соглашаюсь на его слова пронзилъ онъ себя шпагою, и упалъ мертвъ предъ моими ногами. Вотъ первая перемѣна въ моемъ состоянїи Спустя нѣсколько времени, услышалъ я, что жена моя отъ припадка въ легкомъ скончалась. Въ дочери моей усматривалъ я безщастныя

щастныя дѣйствія Пертинаксова обмана. Узналъ, что сынъ, во время моей ссылки, имѣлъ сообщеніе съ моими непріятелями, и намѣренъ былъ итти въ службу противъ своего Принца, которому о томъ и донеслося. Въ тожъ самое время получилъ письмо отъ Ураніи, которое она при концѣ своея жизни ко мнѣ писала; и по смерти своей приказала отправить въономъ утѣшая меня во всѣхъ напастяхъ, просила, чтобъ я удалился отъ всѣхъ суетъ сего свѣта, а прилѣпилсябъ къ создателю всего міра, принявъ уединенную жизнь.

Могу признаться, что изъ всѣхъ перемѣнъ произшедшихъ въ моемъ состояніи, Ураніино письмо, и новыя отъ того замѣшательства, въ которыя я приходилъ, произвели такое во мнѣ омерзѣніе къ свѣту, что совсѣмъ отъ онаго удалился, чтобъ спокойнымъ духомъ окончать остатокъ своея жизни въ семъ уединеніи.

Можно ль, продолжалъ Арсенъ, сыскать мнѣ въ свѣтѣ нѣчто такое, чтобъ сравниться могло съ симъ уединенiемъ? богатство ль, котораго владѣнiе терзаетъ и безпокоитъ? Честь ли, которая для того только возвышаетъ, чтобъ напослѣдокъ низвергнуть? Забавы ль, которыя соединены съ безпокойствомъ и грустiю? Согласитесь со мною, любезной мой Эрофиль, что люди не весьма разумны, кои столь крѣпко и сильно къ такимъ тлѣннымъ и скороизчезающимъ вещамъ прилѣпляются. Имѣнiя ль наконецъ, которыя прiобрѣсть столь трудно, и коихъ владѣнiе столь мучительно и безпокойно? Положимъ, что хотя бы и были сiи преимущества, хотя бы сiи имѣнiя истинныя и постоянныя веселiя намъ приносили; но неправда ли, чтобъ мы были легкомысленны, когда бы склонность и сердце наше совсѣмъ къ онымъ прилѣпили, вѣдая, что можемъ всеминутно ихъ лишиться, не отъ пушечнаго вы-

выстрѣла, не отъ громоваго удара? Одна капля воды или песщинка упадшая въ нѣкоторыя мѣста худые пары и испорченной воздухъ, могутъ насъ лишить того въ одну минуту, да когда бы мы и избѣжали отъ сихъ незапныхъ случаевъ, то коликое время могли бы мы наслаждаться сими изобилїями? Пятьдесятъ или сто лѣтъ: не покажется ли сїе время меньше одной минуты, въ разсужденїи пространнаго того времени, которое прежде было и послѣ будетъ? Всѣ сїи благополучїя вѣчно для насъ изчезнутъ безъ всякой впредь надежды о ихъ возвращенїи.

А какъ то правда, что душа наша безсмертна, и создана отъ превѣчнаго Существа, съ которымъ она должна соединиться; то для чего жъ не старатся намъ въ оной жизни о томъ соединенїи? Есть ли жъ склонность, влекущая насъ къ вещамъ сего свѣта, препоною тому; то для чего не перемогать

ея, оставляя тѣ вещи съ сего часа? Все въ свѣтѣ одинъ блескъ и мечта.

Человѣческое состоянїе, перервалъ Эрофиль, было бы крайнѣ злощастно, естьли бъ надобно было жить въ нерадѣнїи о всѣхъ состоянїяхъ въ свѣтѣ; не имѣть бы склонности къ женамъ, дѣтямъ, богаству, чести и къ прїятелямъ. Сїе нерадѣнїе ядъ разуму, унынїе сердцу и ослабленїе душевныхъ силъ. Надобно содержать разумъ во всегдашнемъ упражненїи и имѣть его въ безпрестанномъ дѣйствїи, чтобъ не изчезъ и не разрушился отъ своея собственныя тягости. Сердце не можетъ жить безъ любви, или безъ дружбы, оно любовнымъ унынїемъ, вздохами и желанїями подкрѣпляясь питается; а душа по своему безсмертїю, возбуждаетъ себя и безпокоится столь многими неудовольствїями, ко облегченїю которыхъ надлежитъ ей искать въ богатствахъ, въ чести

сти и въ дружбѣ, какъ въ дѣлахъ ей больше приличныхъ, спокойства и удовольствїя. Для чего жъ лиша человѣка такихъ преимуществъ, которыя даны ему для облегченїя отъ естества и провидѣнїя?

Я не требую, отвѣчалъ Арсенъ, чтобъ онъ склонялся къ подлымъ, тлѣннымъ и къ такимъ вещамъ, которыя его недостойны; частое омерзѣнїе и безпокойствїя, происходящїя отъ того, не довольно научить его могутъ, что онъ рожденъ для гораздо большаго добра? Намѣренїе мое не то, чтобъ отнять у него волю къ познанїю желанїя и любви: но только, чтобъ перемѣнить предметы его любопытства, любви и склонности. Я желаю, чтобъ онъ все свое старанїе на то употреблялъ, чтобъ познать великость и совершенство превѣчнаго сего существа, преисполнилъ бы сердце свое его любовїю, и всѣ бы свои желанїя только къ тому устремлялъ, чтобы

 здѣ-

здѣлать себя достойнымъ того конца, на которой мы созданы, и котораго по слабости силъ нашихъ постигнуть не можемъ.

Ахъ, дражайшїй Арсенъ! говорилъ Эрофилъ, обнимая его; естьли бъ вамъ такъ, какъ мнѣ, видѣть случилось великаго сего Короля, которому удивляется вся Европа; естьли бъ видѣли вы, какъ я, богатства его, чертоги, любовь его подданныхъ и славу, окружающую его отвсюду; вы бы конечно перемѣнили презрительныя мнѣнїя, которыя имѣете ко всѣмъ извѣществамъ сего свѣта.

Я слышалъ, прервалъ Арсенъ, столь великїя и удивительныя дѣла о семъ великомъ Государѣ и его дворѣ, что мнѣ и невѣроятно: но вы такъ долго будучи во Францїи, что о томъ слышали? и какъ думаете?

Онъ все то превсходитъ, отвѣчалъ Эрофилъ, что вы слышали,

и

и все, что представить себѣ можете. Сей Государь снисходительнѣе всѣхъ на свѣтѣ, щедръ, премудръ, любитель правосудія, строгой наблюдатель законовъ и учреждений, нещадящій преступающихъ, прозорливъ въ выборѣ своихъ Министровъ, и разсудитенъ въ оказаніи своей милости; при томъ и непоколебимъ. Онъ Можетъ великодушно сносить жесточайшія нещастія и печали. Всѣ дѣла самъ сперва начинаетъ; превосходитъ искуснѣйшихъ въ управленіи казною, войною и правосудіемъ. Ненарушимо содержитъ свое слово; трудолюбивъ, великодушенъ и безбоязненъ; защитникъ нещастныхъ и гонимыхъ Принцовъ; съ усердіемъ прославляетъ бога; твердъ въ своемъ законѣ столь много, что выгналъ изъ своего государства всѣхъ, нехотѣвшихъ быть въ ономъ. Украшенія его и чертоги столь великолѣпны и драгоцѣнны, и такъ много удивленія достойны, что оныя кажутся быть въ мѣстахъ

 не

несравненныхъ. Подданные его любятъ, обожаютъ, и все ему посвящаютъ. Величество и слава его, продолжалъ Эрофиль, произвели такую сильную зависть и ревность при дворахъ славнѣйшихъ Европейскихъ Государей, что они часто противъ его соединялись. Но онъ одинъ своимъ остроумїемъ, великою храбростїю, и сильнымъ своимъ оружїемъ покорилъ ихъ, и принудилъ просить у себя миру.

Изрядно! прервалъ рѣчь его Арсенъ. Онъ имѣетъ и здѣлалъ все, что вы объявляете, чрезвычайно. Что жъ ему останется, спустя одинъ не цѣлой вѣкъ, изъ его неисчетныхъ богатствъ, изъ хорошихъ его уборовъ, изъ драгоцѣнныхъ его чертоговъ, изъ любви его подданныхъ и отъ сей чести, которая его отвсюду окружаетъ, и привлекаетъ такую зависть и ревность? Что ему останется, повторяю? Что осталось тѣмъ великимъ Государямъ, которые прежде

его

его были? Что осталось Александру, Кесарю и всѣмъ симъ Императорамъ, обладателямъ свѣта? Отмѣнятся ль кости въ славныхъ ихъ гробницахъ отъ костей послѣднихъ ихъ подданныхъ? Нимало; одни и другїе равно въ пыль и прахъ превратятся, а только останется по семъ великомъ Французскомъ Королѣ та слава, что онъ былъ набоженъ, сохранялъ вѣру, и дѣлалъ все то, что добродѣтельному и честному человѣку надлежало. При томъ старался изливать щедро благодѣянїя на всѣхъ, а чрезъ то исполняя волю его создавшаго, нѣсколько уподоблялся въ милосердїи самому богу, и здѣлался, можетъ быть, достойнымъ его славы быть участникомъ. Ахъ, дражайшїй Эрофиль, какъ много щастливъ тотъ, кто можетъ соединиться съ симъ превѣчнымъ Существомъ! Ибо вмѣсто непостоянствъ, невѣрностей и отвращенїя, которыя находятся въ вещахъ сего свѣта, увидитъ онъ тамъ твердость, красоту и прї-

ятности, которыя его восхищать будутъ услаждающею радостїю, не прерываясь на вѣчность безконечную.

Какъ мало вы человѣколюбивы Арсенъ, отвѣчалъ Эрофиль, что оставляете умирающую жену, которая горячо васъ любитъ, и кромѣ васъ, ни отъ кого утѣшенїя не принимаетъ! Оставляете молодую дочь, которая, не храня своея чести и славы, на все отважилась, въ надеждѣ спасенїя вашей жизни. Сына, которой сожалѣя о несправедливости, которую васъ претерпѣвать принудили, вдался за васъ въ нещастныя крайности, и вооружился противъ своего Государя. Какъ! возможно ли, продолжалъ онъ, чтобъ ваше сердце было такъ нечувствительно, чтобъ оставить толь дражайшихъ особъ? И какъ естество не побудитъ васъ объ нихъ къ сожалѣнїю?

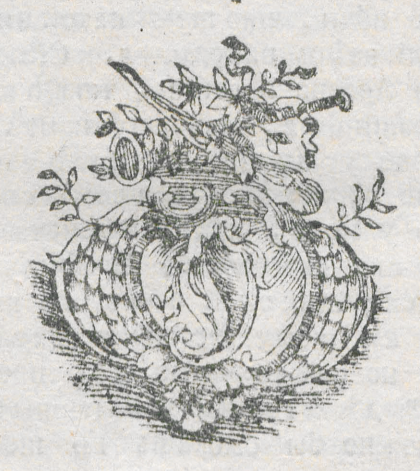
Надобно стараться исцѣлять, отвѣчалъ Арсенъ, сїе природное со-

сожалѣнїе; ибо божественное существо, сїе превѣчное бытїе, не прїемлетъ сéрдца, которое бы не было преисполнено приличными Величеству Его склонностями и желанїями. Житїе и книги, которыя мы о Творцѣ имѣемъ, поучаютъ насъ, что онъ требуетъ совершенно всего сéрдца, безъ всякаго изъятїя.

Какъ Арсенъ такимъ образомъ разсуждалъ, слышанъ былъ въ лѣсу шумъ, и они подумали, по причинѣ нóчи, что тамъ какой ни будь дикой звѣрь находился. Сїе понудило Арсена просить, чтобъ назадъ возвратиться, котораго пригласивъ въ свое уединенїе, принялъ наилучшимъ образомъ. При чемъ спрашивалъ у него, какъ ему показались всѣ его разговоры? Эрофиль признался, что оные очень его тронули; къ тому же присовокупилъ, что по разсужденїю его, происходящїя дѣлà гораздо увеличены были; а можно бы сыскать въ томъ и по-

посредство, которое бы ихъ въ мнѣнїяхъ согласило, то есть, чтобъ жить въ свѣтѣ такъ, какъ и въ уединенїи, именно жъ: отправляя должность мѣщанина, препровождать жизнь, удаленную отъ дѣлъ свѣтскихъ, столь же невинную, какъ и совершеннаго отшельца. Арсенъ ему отвѣчалъ, что исполнять того отнюдъ не возможно; а какъ ужѐ было поздо, то оставили они разговоръ свой до другаго времени.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

АРСЕНЪ,

или

СУЕТА СВѢТА.

Часть пятая.

* * *

По возвращенїи своемъ Эрофиль въ Мадеру ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ о изысканїи какихъ либо способовъ уговорить своего друга, чтобъ онъ къ удовольствїю всего двора и всѣхъ своихъ друзей оставилъ уединенную свою жизнь, и переселился бы изъ пу-

пустыни въ столичной городъ. Но какія средства ни приходили ему на мысль, всѣ казались не довольно сильными къ произведенію въ его другѣ отвращенія къ пустынножительству. Наконецъ вспомнилъ о его сынѣ и дочери, кои почти забвенію имъ преданы. Ими думалъ Эрофиль получить желаемой успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Онъ не сумнѣвался, чтобъ сердце столь горячо ихъ любившаго отца не могло тронуто быть, и не пришло въ жалость, когда онъ изобразитъ ему живо бѣдственное ихъ состояніе и самое отчаяніе, въ коемъ они всегда погружены видя себя презрѣнными самимъ тѣмъ, кѣмъ произведены въ свѣтъ. И такъ принявъ сіе твердое намѣреніе разсуждалъ, какимъ бы то образомъ лучше начать, и чтобъ труды его получили исполненіе желаемаго. Инаго ничего онъ не могъ вздумать, какъ собравъ его сына и дочь, ѣхать съ ними вмѣстѣ въ пустыню своего друга, и согласясь съ ними старатьса

ратьея произвести въ его другѣ жалость къ дѣтямъ, послѣ чего ему легко помо́чь можно будетъ согласить его къ возвращенїю ко дворцу или по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ не такъ строгое имѣлъ уединенїе, столь несносное всѣмъ тѣмъ, кто его знаетъ. Эрофиль не теряя послѣ сихъ предпрїятїй времени, на другой же день поѣхалъ въ домъ Арсена, въ коемъ жила̀ презрѣнная его дочь Зелинда, которая, нося на себѣ гнѣвъ отца своего, дѣйствительно вела жизнь мучительную и плачевную. Ничто ужѐ не могло ея веселить, она почитала себя не иначе, какъ предметомъ ненависти всѣхъ смертныхъ; и до такого себя довела состоянїя, что Эрофилъ увидѣвъ ея отъ себя удаляющуюся насилу могъ узнать ея, а взирая на ея чувствовалъ чрезмѣрную жалость. Нѣтъ ничего мучительнѣе для человѣка, какъ угрызѣнїя совѣсти и несносныя дѣйствїя ея укоризнъ. Я разумѣю здѣсь такихъ, кои еще не совсѣмъ

изъ

изъ себя изгнали честность и въ коихъ добродѣтель начальница всего нашего блаженства, еще хотя слабо дѣйствуетъ; а о тѣхъ, кои совсѣмъ предались заблужденію и изъ сердецъ своихъ здѣлали жилища гнуснѣйшимъ порокамъ и отдавшись ихъ власти, учинили себя нещастными невольниками, о такихъ я и не упоминаю, увѣрившись, что такое бытіе, которое не повинуясь гласу своего безпристрастнаго судьи совѣсти и повелителя разума, туда идетъ, куда стремленіе страстей влечетъ, достойно всякаго презрѣнія.

Но Зелинда была не токова. Добродѣтель въ ней еще обитала, слѣдственно и совѣсть не затемненная совсѣмъ дѣйствіе свое имѣла, которое ей столько чувствительно было, что она стыдилась всѣхъ людей, стыдилась и сама себя, почитая и самую жизнь несноснѣйшимъ бременемъ, котораго бы она конечно скоро избавилась у-

по-

потребивъ съ собою что нибудь ужасное, естьли бы прїѣздъ Эрофилевъ отъ того ея не удержалъ. Онъ отозвавъ ея въ особливую комнату изъяснилъ ей свое предпрїятїе и требовалъ ея помощи, на что Зелинда тѣмъ съ большею охотою склонилась, что она думала чрезъ то перемѣнить несносное состоянїе своей жизни, или по крайней мѣрѣ получивъ отъ своего родителя прощенїе не будетъ чувствовать жестокихъ души своей мученїй. Получивъ такимъ образомъ Эрофиль отъ нея согласїе ѣхать въ пустыню, находилъ затрудненїе въ томъ только, что не зналъ гдѣ ея былъ братъ, но по особливому щастїю во время ихъ разсужденїй сказали имъ, что нѣкто незнакомой хочетъ видѣть Зелинду; а по дозволенїи впустить его, съ неописанною радостїю увидѣла она въ томъ незнакомомъ своего брата Клитандра, которой гораздо въ большее пришелъ удивленїе, когда разсказали ему всѣ

об

обстоятельства принятой отцемъ ихъ уединенной жизни, и свое предпріятіе, на что онъ не только согласился, но еще и понуждалъ Эрофиля скорѣе ѣхать въ то мѣсто, гдѣ скрывалъ себя отъ всего свѣта добродѣтельной мужъ.

Такая скоропостижность Эрофилю была не непріятна: но какъ надлежало еще прежде всего уговориться, какимъ образомъ поступать, чтобъ согласить его оставить уединенную жизнь, то за необходимое почли здѣлать планъ и потомъ вступить въ самое дѣйствіе.

Другъ нашего пустынника не долго думалъ о приступѣ къ сему толь важному дѣлу; дружба, которую онъ безъ всякой лести имѣлъ къ Арсену, подала ему вдругъ довольно средствъ къ начинанію своего предпріятія. И такъ положили они, чтобъ всѣмъ тремъ ѣхать въ то избранное для уединенія мѣсто, и тамъ Зелиндѣ съ братомъ остановить-

новиться, не входя въ самую внутренность той пещеры, гдѣ обиталъ старикъ, дожидаться отъ него повелѣнія или знака, даннаго отъ Эрофиля; потóмъ вошедши начать свое представленіе, которое бы могло привести ихъ отца въ дѣйствительную жалость, послѣ чего и спрашивать имъ, сообщась съ Эрофилемъ, чтобъ онъ согласился оставить для нихъ, для возстановленія благополучія, тишины и порядка въ семействѣ и для своего собственнаго покоя, ту пещеру и переѣхать въ Мадеру, или по крайней мѣрѣ въ нарочно для него пріуготовленной, (естьли только онъ пожелаетъ) зáмокъ, гдѣ воцарится съ его прибытіемъ истинное всѣхъ ихъ блаженство.

Эрофиль не спрашивая болѣе Климандра, ни о чемъ не хотѣлъ терять столь стремительнаго его желанія; но употребляя его въ пользу положилъ съ нимъ, чтобъ на другой же день ѣхать всѣмъ тромъ

имъ въ ту пустыню и начать свое предпріятіе.

Наконецъ пришло желанное время, сей рѣдкой другъ отправился къ Арсену съ его дѣтьми, коимъ подтвердилъ напередъ, чтобъ они, не получа отъ него знака не входили бы къ своему родителю. По прибытіи своемъ въ уединеніе добродѣтельнаго мужа, предводителъ нещастныхъ дѣтей пошелъ къ своему другу, оставивъ ихъ при въѣздѣ того мѣста. Но сколь велико было его удивленіе, когда онъ не нашелъ въ томъ мѣстѣ Арсена; страхъ лишиться навсегда своего любезнаго друга и недовѣдомость, куда онъ скрылся, столь имъ овладѣла, что онъ не могъ скоро притти въ себя, въ смущенномъ духѣ искалъ его во всѣхъ близъ находящихся мѣстахъ, но къ отчаянію своему труды его были безполезны. Наконецъ къ великому и неудобьописанному смущенію увидѣлъ его близъ одного дерева поверженнаго

верженнаго на землю безъ всякаго дыханія. Сколь велико было отчаяніе Эрофиля при толь ужасномъ позорищѣ; нѣтъ возможности описать, ниже нѣсколько изъяснить чрезмѣрной его печали, когда онъ по долгомъ стараніи не прежде могъ его привести въ чувство, какъ по прошествіи нѣсколькихъ часовъ. Пришедши Арсенъ въ себя, какъ скоро увидѣлъ своего друга, то стараясь собрать свои разсѣянныя силы, хотѣлъ изъяснить ему свою благодарность; но чрезмѣрная его слабость въ томъ ему препятствовала, а Эрофиль съ своей стороны не допуская его говорить, помогалъ ему встать, и почти на рукахъ своихъ принесъ его въ пещеру, откуда Арсенъ за нѣсколько предъ тѣмъ временемъ вышелъ прохаживаться, и гдѣ съ пріятностію провождалъ часы своего времени.

Эрофиль чувствительно былъ тронутъ состояніемъ своего друга,

для того, что онъ нелестно и безъ всякихъ притворствъ его любилъ; слѣдственно такая дружба, имѣя основанïемъ добродѣтель, подкрѣпляема чистосердечïемъ и безпритворною откровенностïю, не можетъ инаго произвести дѣйствïя. Онъ какъ прямо истинной другъ, столько бралъ во всемъ участïя, сколько и долгъ требовалъ и человѣчество дозволяло. Но какъ онъ желалъ нетерпѣливо вывести Арсена изъ такого мѣста, гдѣ нечаянно-случившейся какой припадокъ, легко можетъ лишить его жизни, то употребляя сïе приключенïе въ свою пользу, началъ говорить ему, примѣтивъ, что слабость его нѣсколько прошла. Я не могу безъ ужаса вообразить того часа, въ которой нашелъ я васъ любезной другъ почти мертваго въ семъ вашемъ уединенïи. Возможно ли быть столько немилосердну къ себѣ самому и нерадѣтельну о собственной своей жизни, можетъ ли быть угодно создавшему насъ Существу, чтобъ

мы

мы отрекаясь свѣта, и убѣгая всѣхъ мірскихъ обхожденій и суетъ, подвергали жизнь свою такимъ опасностямъ, кои въ силахъ лишить насъ оной. Ахъ! любезной Эрофилъ, перервалъ рѣчь его Арсенъ, я подлинно знаю, что не должно намъ презирать нашу жизнь, такъ какъ особливой даръ свыше данной: но признайтесь же, любезной другъ, сія наша жизнь, которую мы обязаны хранить, въ чемъ состоитъ? Она ничто иное есть, какъ собраніе безпокойствъ, мученій, заботъ, страданій и всего того, что только способно возмущать нашъ духъ и приводить въ отчаяніе. Я сіе не иначе почитаю, какъ теченіе такого времени, которое при всей своей несносности принуждаетъ насъ сносить все то, что мы подъ именемъ злощастія, мукъ и суеты разумѣемъ. Представьте вы мнѣ хотя одного такого человѣка, которой бы во все продолженіе жизни могъ быть когда нибудь хотя одинъ день въ полномъ удовольствіи, и

 могъ

могъ бы сказать, что онъ совершенно спокойно проводилъ его. Нѣтъ, нѣтъ любезной другъ, вы не сыщете такого никого, а напротивъ того такихъ, кои всечастно мучатся, вздыхаютъ о своемъ недостаткѣ, о неимѣнїи способовъ производить въ дѣйство свои прихоти, кои хотя бы и справедливы были, но съ какими соединены безпокойствами? Отдаю вамъ на безпристрастное разсужденїе. Я не хочу вамъ напоминать, должна ли мнѣ быть жизнь моя мила: вы знаете довольно, сколько я въ продолженїи ея былъ нещастенъ и какихъ несправедливостей не претерпѣлъ. Изъ сего видѣть вы легко можете, долженъ ли я ея хранить, я, которой сїю минуту почелъ бы началомъ моего истиннаго блаженства, естьли бы она была жизни моей послѣднею. Ахъ! любезный другъ, вскричалъ Эрофиль, могъ ли я подумать когда нибудь, чтобъ вы такъ неправо судили о своей жизни, и чтобъ такъ нетерпѣливо

желали

желали ея конца. Всѣ ваши злощастія и всѣ бѣдствія, кои вы претерпѣли въ своей жизни, не суть злощастія помрачающія разумъ и безпристрастное разсужденіе. Вы знаете довольно, что есть въ свѣтѣ тысяча такихъ людей, кои своими злощастіями стократно васъ превосходятъ: но я увѣренъ, что они до такой крайности, чтобъ быть виновниками окончанія дней своихъ, никогда не доходили. Я не хочу быть виновникомъ, отвѣчалъ Арсенъ, но есть ли придетъ послѣдней часъ, то я тому буду безмѣрно радъ. Нѣтъ, вы дѣлаетесь ужѐ причиною своей смерти, когда не убѣгаете тѣхъ дѣйствій, кои слѣдствія ея съ собою приносятъ. Вы думаете, что убѣгая свѣта, дѣлаете богоугодное дѣло? Сколь вы обманываетесь! Простите меня, что я откровенно вамъ скажу: знаю, что вы меня искренно любите и сіе самое даетъ мнѣ право говорить вамъ все, что сердце велитъ. Вы, любезный

Арсенъ, не только противитесь симъ поступкомъ тому, отъ кого бытїе свое получили, но еще дѣлаетесь убїйцею и самаго себя и рожденныхъ вами дѣтей. Не сїе ли есть умертвить человѣка, когда имѣя долгъ по крови утѣшать человѣка и предохранять его отъ всякихъ худыхъ предпрїятїй, оставить его въ дѣйствительномъ презрѣнїи, а презрѣнїе отъ родителей, какъ вы сами знаете, изъ всѣхъ мукъ есть жесточайшая мука. Что жъ я о семъ истинну говорю, то вы не будете спорить, когда не изъ родительской любви и жалости, но единственно изъ человѣколюбїя вообразите себѣ бѣдственнѣйшее состоянїе вашей дочери Зелинды, которая *по нещастїю* ведетъ жизнь не только мучительную, но и такую, которую ни съ чемъ въ свѣтѣ сравнить не можно. Правда, вы ея не умертвили, но ей бы стократно снос нѣе было, естьли бы она въ туже минуту поражена была вашей рукою,

нежели

нежели теперь видя себя презрѣнною своимъ отцомъ, оставленную отъ всѣхъ и погруженную въ несноснѣйшемъ стыдѣ, всечасно страдать. Ахъ! любезный другъ, сіи ея ежеминутныя страданія жесточае смертельныхъ ударовъ духъ ея терзаютъ. Возможно ль, чтобъ вы столько были безчеловѣчны, что такъ варварски поступаете съ нею. Вы ея не умертвили, но она всечасно отъ стыда и угрызенія совѣсти, что злодѣйствомъ Пертинакса была обманута, и спасая твою честь, свою потеряла, умираетъ, хотя еще и въ жизни: но такая жизнь есть сущее мученіе, котораго она дѣйствительно лишится, употребивъ съ собою отъ нестерпимости что нибудь ужасное. Тогда не убійцею ли вы будете, нѣтъ, но только виновникомъ смерти! О сколь сіе ужасно! Зжальтесь, любезный другъ, продолжалъ Эрофилъ, обнимая Арсена и примѣтивъ, что слова его дѣйствовать начинаютъ, сжалься надъ не-

нещастною и оставленною Зелиндою. Почувствуй, любезной другъ, то, что родитель ощущать долженъ. Я прошу тебя, заклиная именемъ дружбы, разобрать существенность своего уединенія, которое столь чувствительныя бѣдствія наноситъ твоимъ дѣтямъ и друзьямъ огорченіе. Прежде сего изъяснилъ вамъ, сколь нещастную ведетъ жизнь твоя дочь, теперь начну говорить и о твоемъ сынѣ, которой возвратясь въ Мадеру, провождаетъ часы своей жизни въ мучительнѣйшемъ состояніи; гнѣвъ твой ему всѣхъ претерпѣнныхъ имъ злощастій мучительнѣе. Оба они въ отчаяніи своемъ упадаютъ къ твоимъ ногамъ и въ слезахъ испрашиваютъ себѣ помилованія. Естьли и сіе ихъ жалостное состояніе не тронетъ тебя, то я не знаю какимъ почесть твое последнее намѣреніе. Ты удалился отъ свѣта, будучи въ немъ чрезмѣрно нещастливъ, слѣдственно сила и дѣйствія всякаго злощастія

щастїя вамъ ужѐ извѣстны: то для чего жъ вы не представляете себѣ его и вашихъ дѣтей. Но я еще отважусь выговорить, что ваши бѣдствїя совсѣмъ не такого были рода. Ненависть и злоба, завидуя вашему щастїю, что Принцъ имѣлъ къ вамъ особенную довѣренность, гнали вашу добродѣтель, и вы претерпѣли невинно отъ поступковъ своихъ злодѣевъ много огорченїй. Потомъ къ большему вашему отчаянїю получили вы письмо, что Уранїя оставила свѣтъ и преселилась въ вѣчность. Не сїе ли васъ, любезный другъ, болѣе всего побудило презрѣть суетной мїръ и принять уединенную жизнь, которою наслаждаюсь. Вы не чувствуете дѣйствїя вашихъ бѣдствїй, кои ужѐ прошли и силы надъ вашею душею такой ужѐ не имѣютъ, какою ежечасно терзаются ваши дѣти. Ихъ злощастїя не могутъ быть сравнены съ вашими. Вы посреди самаго нещастнаго состоянїя утѣшались на-

деждою, что откроется ваша невинность, когда разсмотрены будутъ всѣ ваши письма: но дѣти ваши того не имѣютъ, нѣтъ имъ истинной надежды къ перемѣненїю своего, когда видятъ, что вы оставили ихъ терзаться злѣйшими мученїями духа. Главная причина, что возненавидѣли вы свѣтъ, происходила отъ лишенїя Уранїи: но когда вы узнаете, что та самая Уранїя, которая при кончинѣ своей повелѣвала вамъ оставить свѣтское обхожденїе и принять уединенную жизнь, та самая, которую вы въ жизни своей почитаете первымъ своимъ и другомъ и утѣшенїемъ, не умерла, какъ вы думаете, но освободившись отъ жестокой своей болѣзни, наслаждается жизнїю, которая для того только ей теперь несносна, что ложной слухъ дошелъ до нея, будто вы скончались. Ахъ! Уранїя жива, вскричалъ Арсенъ, перервавъ рѣчь своего друга, будучи приведенъ его словами въ радостной

стной восторгъ, произшедшей отъ любви, которую сей почтенный старикъ питалъ еще къ ней въ своемъ сердцѣ. Возможно ли, чтобъ Уранія, послѣ того письма, которое она ко мнѣ послала, осталась жива! Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ, сія выдумка не можетъ истребить во мнѣ принятаго желанія жертвовать ей остаткомъ своихъ дней. Я ея любилъ, но любилъ чистосердечно, и та самая любовь требуетъ отъ меня, чтобъ я отдалъ ей долгъ, которой ничемъ инымъ можетъ быть удовлетворенъ, какъ истребленіемъ себя живаго въ сей пустынѣ; а естьли она жива, то для чего бы ей поступать со мною такъ жестоко, чтобъ не увѣдомить о себѣ. Эрофиль увѣдомилъ его, что сынъ его будучи не въ дальномъ отъ того мѣста разстояніи, гдѣ Уранія находилась, слышалъ, что она дѣйствительно была въ жестокой болѣзни, но что сверьхъ всего чаянія отъ обморока, въ коемъ она

цѣлые два дни лежала, освободилась, и живетъ гораздо уединеннѣе нежели прежде, что письмо къ нему отправлено было въ продолженіе того ея обморока, которой почитали всѣ за дѣйствительное разрушеніе всего ея естества. Эрофиль все сіе съ такимъ изъясненіемъ ему разсказывалъ, что наконецъ привелъ его въ жалость и о его дѣтяхъ, а притомъ упросилъ его, чтобъ онъ и для дѣтей и дляУраніи возвратился по ближе къ городу и въ особлиприготовленномъ замкѣ препровождалъ бы дни свои съ лучшею безопасностію своего здоровья и спокойствіемъ, и притомъ чтобъ дозволилъ предстать предъ себя Зеландѣ и своему сыну, кои по данному отъ Арсена дозволенію и знаку отъ Эрофиля. Какъ скоро вошли въ ту пещеру, гдѣ отецъ ихъ находился, то оба, упавъ къ его ногамъ испуская вздохи и потоки слезъ, не смѣли на него возрѣть. Одну поражалъ стыдъ во

всей

всей своей силѣ, соединясь съ вображенїемъ позорнаго своего съ Пертинаксомъ поступка, и того, что видитъ предъ собою о томъ свѣдущаго, и тѣмъ самимъ раздраженнаго отца, другаго мучили угрызенїя совѣсти, что въ бывшее отца своего нещастїе никакого старанїя не имѣлъ. Однимъ словомъ, тогдашнее состоянїе ихъ духа, столь было превратно, мучительно и жалостно, что никакъ не можно описать.

Сѣдинами и добродѣтелью украшенный Арсенъ въ ту минуту, когда онъ увидѣлъ, почувствовалъ всю силу родительской любви. Пронзенъ жалостїю, забываетъ свою слабость, подымаетъ своихъ дѣтей, беретъ ихъ въ свои объятїя и смѣшивая свои съ ихъ слезами, лобызаетъ ихъ, зачиная говорить, но силы не имѣетъ; напротивъ того Зелинда, упадая къ его нагамъ и орошая своими слезами его руки прерывающимся отъ рыданїй голосомъ,

просишъ у него прощенія въ своемъ проступкѣ; сынъ его, погружаясь также въ слезахъ, проситъ себѣ помилованія; Арсенъ, преклоняясь то къ той то къ другому, пораженной жалостію собирая разсѣянныя свои силы, прощаетъ ихъ во всемъ, кленясь предать все минувшее вѣчному забвенію, во вздохахъ многократно лобызая ихъ говоритъ имъ: Ахъ! естьли бы вы, любезные мои дѣти, могли проникнуть во глубину моего разными бѣдствіями изнуреннаго сердца, увидѣли бы вы какое въ ономъ причинили вы смущеніе; но я не хочу о томъ болѣе упоминать., вижу довольно истинное и чистосердечное ваше раскаяніе. Вы еще не можете понять сколь велика есть родительская къ дѣтямъ своимъ любовь, ниже то знаете точно, сколько обязаны дѣти родителямъ, хотя бы мы не признавали, что есть непостижимое такое Существо, которое всечаснымъ своимъ могуществомъ и понятіе наше превосходящею премудростію сотворило

рило видимый и невидимые нами мiры, созидая насъ обитателями сего малѣйшаго круга, повелѣло почитать по себѣ произведшихъ насъ на свѣтъ, и любя его любить искренно и родителей; но гласъ самаго естества во внутренности нашихъ сердецъ вопiетъ намъ и всечастно повелѣваетъ: почитайте истиннымъ почтенiемъ виновниковъ своего бытiя за мучительныя ихъ болѣзни о васъ, за непреоборимые ихъ труды въ вашемъ воспитанiи, за ихъ пролитыя, во время вашего младенчества слёзы, однимъ словомъ, за всѣ ихъ несносныя безпокойства, награждайте ихъ своимъ повиновенiемъ и нелестною любовiю, во всю вашу жизнь. . . Вотъ какой природа предписываетъ намъ законъ, но законъ немучительной, а весьма легкой и для соблюденiя связи вещей мiра сего весьма нужной. Такъ кто не исполняетъ сего, дѣлается презрителемъ божiихъ и естественныхъ законовъ, недостойнымъ членомъ общества,

извер-

извергомъ природы и чудовищемъ естества, и примѣтте только, что такой человѣкъ никогда не можетъ вести благополучную жизнь; но напротивъ того домъ его наполняется бѣдствїями и разными приключенїями, и самъ онъ дѣлается игралищемъ непостояннаго щастїя; и предметомъ ненависти всѣхъ честныхъ людей. Но я не думая, чтобъ вы когда нибудь могли быть таковы. Желанїе мое при вашемъ воспитанїи такое только было, чтобъ вперить въ васъ познанїе добродѣтели и отвращенїе къ порокамъ, чего дѣйствїя и видѣлъ я въ васъ, а что жъ вы нѣсколько во время моего нещастїя отступили отъ своей должности, то я оное не произволенїю вашему, но обстоятельствамъ тогдашняго времени приписую, и все оное вамъ прощаю, обѣщаясь васъ любить также какъ и прежде.

Потомъ Арсенъ обнялъ своихъ дѣтей, кои въ восторгѣ и въ радостныхъ

стныхъ слезахъ цѣлуя его руки увѣряли его, что онъ въ нихъ никогда не увидитъ слѣдовъ бывшаго ихъ поступка.

Эрофилъ во все время ихъ разговоровъ отъ жалости стоялъ неподвиженъ, но молчанїе его вдругъ прервалось. Когда Арсенъ изрекъ, что онъ во всемъ дѣтей своихъ прощаетъ, пришелъ въ такую радость, что бросясь къ своему другу, началъ его лобызать, изъясняя ему, сколь великое беретъ онъ участїе во всемъ томъ, что ни произошло благополучнаго въ то время съ его дѣтьми, и сколь при томъ чрезмѣрно обязаннымъ себя почитаетъ, что онъ послушая его, простилъ ихъ и согласился перемѣнить суровой родъ строгаго своего уединенїя. Потомъ увѣрилъ его, что естьли онъ произведетъ данное свое обѣщанїе въ дѣйство, то нетрудно будетъ пригласить въ его замокъ и добродѣтельную Уранїю, которая хотя и ведетъ наистро-

строжайшую жизнь, узнавъ, что еще не лишилась своего друга на вѣкъ, конечно согласится раздѣлить съ нимъ остатокъ своей жизни. При имени Ураніи, Арсенъ почувствовалъ въ себѣ великое дѣйствіе радости, которую изъясняя одними только вздохами говорилъ Эрофилю, что сіе онъ почитаетъ невозможнымъ дѣломъ, и что онъ ничего бъ больше не желалъ, какъ только чтобъ хотя впослѣдніе ея видѣть и исполнить свое принятое весьма важное намѣреніе; Эрофилъ перервалъ рѣчь его, не ужè ли я столько нещастливъ, чтобы ты скрывалъ отъ меня что нибудь важное и до тебя собственно принадлежащее. Нѣтъ, любезной другъ, я всегда закономъ себѣ поставлялъ, чтобъ не скрывать отъ тебя ничего; а что жъ о семъ моемъ предпріятіи еще не знаешь, то сіе произошло не отъ чего инаго, какъ отъ превратныхъ моихъ обстоятельствъ, кои теперь почти кончились. Ты

скоро

скоро обо всемъ будешь извѣстенъ.

По окончанїи сихъ разговоровъ, Эрофиль просилъ своего друга, чтобъ онъ исполнилъ данное свое обѣщанїе оставить пустыню и на малое время, пока замокъ будетъ совсѣмъ приготовленъ, жить въ его домѣ. Арсенъ сколько ни чувствовалъ отвращенїя къ городской жизни, но наконецъ убѣжденъ будучи неотступными прозьбами своихъ дѣтей и друга, отправился съ ними въ Мадеру; мѣсто, въ которомъ онъ столько былъ нещастенъ, напоминало ему всѣ претерпѣнныя имъ бѣдствїя.

Слухъ о возвращенїи Арсеновомъ въ столицу тотчасъ разнесся по всему городу; дворъ ни о чемъ болѣе не говорилъ, какъ о немъ; всѣ знатные, почитая его прямо добродѣтельнымъ и разумнымъ человѣкомъ, спѣшили засвидѣ-

свидѣтельствовать ему свою радость, что имѣютъ еще его въ своемъ обществѣ, и могутъ пользоваться его совѣтами и наставленїями, какъ Министра опытами всѣ обороты знающаго. Самъ Принцъ, имѣя къ нему отмѣнную довѣренность, и любя его не какъ своего подданнаго, но какъ разумнаго, вѣрнаго и доброжелательнаго патрїота посѣщалъ его; свиданїе ихъ было столь дружественно, что всѣ не могли взирать на нихъ, не чувствуя какъ къ первому наичувствительнѣйшей преданности, такъ къ другому глубочайшаго почитанїя и жалости.

Однимъ словомъ, домъ Эрофиля, въ коемъ жилъ Арсенъ, всечасно былъ наполненъ всякаго рода людьми, изъ коихъ однихъ любопытство видѣть толь славнаго мужа туда привлекало, другихъ искреннее къ добродѣтелямъ почтенїе приводило. Но сїе посѣщенїе

нїе скоро почтенному старику наскучило, и онъ чрезъ нѣсколько дней переѣхалъ въ приготовленной не въ дальномъ разстоянїи города за́мокъ, гдѣ вести на́чалъ не столь ужѐ строгое уединенїе. Желанїе исполнивъ свое Арсенъ, ни о чемъ болѣе не помышлялъ, какъ только имѣть свѣдѣнїе о любезной своей Уранїи, но никакъ того здѣлать было не можно, какъ только послать туда Клеандра сына своего, коему извѣстно было мѣсто ея уединенїя. Благодарность и долгъ тѣмъ болѣе поощряли Клеандра къ сему путешествїю, что онъ надѣялся чрезъ то доказать свое повиновенїе и искреннюю преданность, и тѣмъ здѣлаться достойнымъ всей его родительской горячности. И такъ отправился онъ къ Уранїи, взявъ отъ отца своего къ ней письмо, въ коемъ Арсенъ изъяснялъ ей о перемѣнѣ своего состоянїя и родѣ принятой имъ жизни, потомъ просилъ ея наинѣжнѣйшимъ образомъ, чтобъ она согла-

силась

силась къ нему, оставя свое уединенїе, прїѣхать и препровождать вмѣстѣ въ большемъ спокойствїи остатки своихъ дней.

По отправленїи Клеандра, Арсенъ здѣлалъ въ домѣ такое разпоряженїе, которое способнѣе было къ его спокойствїю. Зелинда во всемъ помогала ему, Эрофиль почти не отлучался отъ нихъ, а чтобъ совсѣмъ неразлучнымъ быть съ Арсеномъ, то по совѣту своего друга испросилъ онъ у Принца дозволенїе жить въ томъ замкѣ всегда и ко двору, тогда только прїѣжжать, когда соизволенїе Принца на то будетъ.

Все споспѣшествовало къ исполненїю желанїй. Арсенъ наслаждался тогда наиспокойнѣйшею жизнїю, къ совершенїю которой не доставало только Уранїи, но и та къ чрезмѣрному его удовольствїю по прошествїи нѣсколькихъ недѣль къ нему съ Клеандромъ прїѣхала.

Сколь

Сколь велико было съ обѣихъ сторонъ чувствованіе радости и съ какимъ восторгомъ плавали они въ совершенномъ и полномъ веселіи, того изъяснить нѣтъ возможности. Однимъ словомъ, они все то чувствовали, что истинная любовь, нелицемѣрное дружество и равное соотвѣтствіе въ себѣ наиприятнѣйшаго имѣютъ.

Эрофиль, увидѣвъ Уранію и вообразивъ, что его другъ прежде объ ней расказывалъ, чувствовалъ къ ней чрезмѣрное почтеніе, не для того, что Арсенъ ея отмѣнно любитъ, но для рѣдкихъ ея качествъ и добродѣтелью преисполненной души. Восхищаясь съ своимъ другомъ радостію, раздѣлялъ съ нимъ все удовольствіе и наиприятнѣйшія минуты, и принималъ во всемъ, какъ истинной другъ, участіе.

Любопытнымъ раждаетъ нетерпѣливость. Арсенъ по прошествіи пер-

первыхъ дней, кои проводивъ въ совершенномъ удовольствіи своего духа, чувствовалъ чрезмѣрное желаніе знать о всѣхъ Ураніиныхъ приключеніяхъ. Она тотчасъ ему разсказала о всѣхъ своихъ прошедшихъ превратностяхъ, и изъяснила наконецъ, что щастливою себя почитаетъ, что судьба за всѣ ея претерпѣнныя мученія награждаетъ, дозволяя ей провождать дни своей старости съ наилюбезнѣйшимъ человѣкомъ, къ какому она всегда истинное дружество имѣла, и во весь свой вѣкъ имѣть будетъ. Арсенъ съ своей стороны увѣрялъ ея, что почтеніе его къ ея добродѣтелямъ окончится не прежде, какъ его жизнію.

Сколь завидно такое сообщество, гдѣ добродѣтель предводительствуетъ, дружба сотовариществуетъ, истинная любовь во всѣхъ дѣйствіяхъ обитаетъ. Тотъ только щастливымъ и спокойнымъ назваться

зваться можетъ, кто такимъ же или хотя подобнымъ тому блаженствомъ наслаждается; ничто ужѐ тогда не прельщаетъ его, ничто не потревожитъ его духъ. На всѣ превратности свѣта взираетъ онъ спокойнымъ окомъ, тѣмъ наиболѣе испытавъ всѣ обороты знаетъ, что честь, слава, богатство, знатность и все, что мы подъ прелестнымъ именемъ щастія ни разумѣемъ, ничто иное есть, какъ дѣйствительно мечта, блескъ или прельщающее наши глаза̀ своимъ скороисчезающимъ сіяніемъ *ничто*. О жизнь! о превратность!

Въ такомъ точно состояніи препровождалъ Арсенъ свою въ замкѣ жизнь, раздѣляя время съ Ураніею, Эрофилемъ и дѣтьми, кои совѣтами и наставленіями Ураніи столь добродѣтельной особы почитаемой ими вмѣсто своей матери, совсѣмъ перемѣнили свои поступки и никогда не хотѣли

 от-

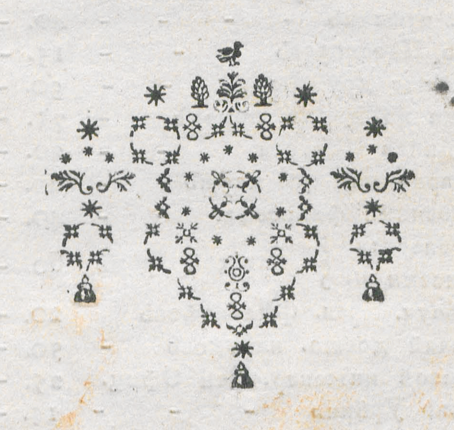
отлучены быть отъ своего родителя.

Иногда лучшіе его друзья посѣщали его въ семъ райскомъ жилищѣ, и завидуя его блаженству всѣ свои силы употреблять старались, чтобъ хотя нѣсколько насладиться тѣмъ безпримѣрнымъ спокойствіемъ и тишиною духа, которая во всѣхъ дѣйствіяхъ сего щастливаго общества являлась. Самъ Принцъ пріѣжжалъ иногда наслаждаться ихъ удовольствіемъ, но всегда оставлялъ съ великимъ огорченіемъ, что обстоятельства лишаютъ его такого несравненнаго щастія, и что не можетъ онъ среди льстецовъ дворъ его наполняющихъ никогда имѣть такой минуты, которую бы препроводилъ онъ въ полномъ спокойствіи и тишинѣ, какъ Арсенъ всю жизнь свою ведетъ въ своемъ замкѣ, которой потомъ отъ всѣхъ названъ *жилищемъ добродѣтели, спокойствія и тишины.*

Такое

Такое награжденіе даетъ святая добродѣтель всѣмъ тѣмъ, кои въ жизни своей, въ щастіи и въ злощастіи ея соблюдали и истинными всѣхъ ея уставовъ и совѣтовъ послѣдователями быть старались.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Въ домѣ переплетчика Никиты Дмитрїева, состоящемъ близъ Кузнецкаго мосту, въ приходѣ церкви Воскресенїя Христова продаются слѣдующїя книги въ переплетѣ и безъ переплѣту:

	коп.	коп.
Алинкуртъ и Флорида -	25.	и 45.
Арсенъ или Суета свѣта въ 5. частяхъ - - - - -	40.	- 60.
Духъ Пиѳагоровъ - -	15.	- 30.
Дѣйствїе дружбы - -	30.	- 50.
Заида въ двухъ томахъ -	75.	- 95.
Истинная Исторїя - -	20.	- 35.
Лотарея изъ 80. картъ -	20.	-
Любовники философы - -	40.	- 60.
Могольскїя скаски } каждой томъ	60.	- 80.
Нравоуч. древ. Философовъ	20.	- 35.
Обычай досто. народовъ -	50.	- 70.
Полевой инженер. или Офиц.	25.	- 45.
Сентъ Урбинъ - - -	15.	- 30.
Серальскїя скаски - - -	50.	- 70.
Щастливая планета. - -	30.	- 45.

МОГИЗ
МАГАЗИН № 14

